

ВОРОНЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Насонов А.А.

**ПРАВО НА ЗАЩИТУ ЛИЦА,
ЗАПРАШИВАЕМОГО ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ
К ВЫДАЧЕ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

Учебное пособие

Воронеж 2023

Рецензенты:

М.С. Колосович – профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, полковник полиции; С.М. Кузнецова – начальник кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Насонов А.А.

Право на защиту лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче для уголовного преследования : учебное пособие [Электронный ресурс] / А.А. Насонов. – Электр. дан. и прогр. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2023. –1 электр. опт. диск (CD-ROM) : 12 см. – Систем. требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб ; операц. система семейства Windows ; CD-ROM дисковод.

В учебном пособии раскрываются понятие права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования и его реализация в уголовном процессе России; средства и способы реализации права на защиту лица. Запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования; понятие лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, и основания появления его в российском уголовном процессе; процессуально-правовой статус лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей и преподавателей образовательных учреждений МВД России.

Содержание

Введение.....	4
1. Понятие права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, и его реализация в уголовном процессе России.....	7
2. Средства и способы реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.....	23
3. Понятие лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, и основания появления его в российском уголовном процессе	59
4. Процессуально-правовой статус лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.....	90
Заключение.....	130
Список использованных источников.....	136

ВВЕДЕНИЕ

Роль института выдачи лица для уголовного преследования значительно возрастает, о чем свидетельствует активная правоприменительная практика в этой области. В результате все больше лиц оказываются вовлеченными в орбиту уголовно-процессуальных отношений, связанных с функционированием указанного института. А поскольку пребывание любого лица в уголовном судопроизводстве должно сопровождаться заботой о защите его прав и свобод, то актуализируются вопросы, относящиеся к реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. Стимулируется интерес к указанным вопросам ростом числа лиц, обращающихся в российские суды с целью обжалования примененной к ним экстрадиции. Так, если за первое полугодие 2015 года таких лиц насчитывалось 46¹, то в 2017 году за аналогичный период их число увеличилось до 69 человек².

Вызывают озабоченность у нашего государства и итоги работы Европейского Суда по правам человека³ в части рассмотрения жалоб, поданных против России и касающихся выдачи лиц для уголовного преследования. Весьма внушительным остается число решений в пользу заявителей, вынесенных ЕСПЧ по результатам рассмотрения такой категории жалоб. Во всех этих случаях ЕСПЧ увидел хотя бы одно нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Причем нарушения, допущенные при экстрадиции, составляют примерно 3% от всех констатируемых Европейским Судом нарушений

---

¹ Обзор статистических данных о результатах деятельности Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел за первое полугодие 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsr.ru/Show_pdf.php? (дата обращения: 20.10.2022).

² Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2017 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsr.ru/Show_pdf.php?Id=1 (дата обращения: 20.10.2022).

³ Далее – ЕСПЧ.

норм указанной Конвенции⁴. Это позволяет усомниться в надлежащей эффективности действующих в уголовном процессе России механизмов реализации права на защиту запрашиваемых к выдаче лиц. В пользу данного вывода свидетельствуют и результаты опроса практиков. На неудовлетворительное состояние дел в этой области обратили внимание 53% прокурорских работников, 61% судей и 77% адвокатов.

Подобная ситуация требует как проведения определенной работы в соответствующей правоприменительной сфере, так и теоретического осмысления вопросов выдачи с позиции реализации права на защиту лиц, подвергающихся такой процедуре.

Если с точки зрения уголовного преследования указанные вопросы рассматривались в науке уголовно-процессуального права, то проблемам защиты таких лиц внимания уделялось значительно меньше, хотя именно они требуют своего решения. Среди таких проблем: определение в уголовном судопроизводстве понятий «лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования», «реализация права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования»; структурирование реализации права на защиту запрашиваемых к выдаче для уголовного преследования; классификация способов указанной реализации; систематизация оснований появления в российском уголовном процессе запрашиваемого к выдаче лица; совершенствование правового статуса запрашиваемого к выдаче лица, включая гарантии, обусловленные участием в процедуре выдачи защитника и законного представителя; выявление особенностей реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче при применении к нему уголовно-процессуального принуждения, в ходе принятия решения о выдаче, при обжаловании указанного решения, при фактической передаче

---

⁴ См.: Малов А. Практика Генеральной прокуратуры РФ по исполнению решений Европейского Суда по правам человека по вопросам экстрадиции // Законность. – 2017. – № 4. – С. 3.

лица иностранному государству; моделирование новых видов реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования; повышение эффективности такой реализации и другие.

Перечисленные проблемы не могут не вызывать интерес к реализации в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования, поскольку непосредственно связаны с обеспечением высокого качества защиты обозначенной категории лиц, а значит, и с достижением в известных пределах назначения уголовного судопроизводства.

Указанные проблемы требуют проведения специальных научных исследований в части реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. На их основе необходимо соответствующее совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Сказанное подтверждает актуальность выбора темы для исследования.

Нормативно-правовой базой работы являются Конституция Российской Федерации, нормативные положения международных договоров Российской Федерации, нормы УПК РФ, УК РФ и других федеральных законов, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, решения Европейского Суда по правам человека, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Указания Генерального прокурора Российской Федерации, касающиеся изучаемых вопросов.

Эмпирической базой являются данные, полученные при обобщении опубликованной судебной практики, судебных решений, размещенных в сети Интернет на сайтах «Росправосудие» и ГАС «Правосудие», изучении архивных материалов о выдаче, анкетировании прокурорских работников, а также судей Белгородской, Волгоградской, Воронежской, Липецкой, Московской, Тамбовской областей, Кабардино-Балкарской Республики.

1. Понятие права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, и его реализация в уголовном процессе России

Выдача лица для уголовного преследования является одним из направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, получившим свое закрепление в УПК РФ. Такое внимание законодателя к этой проблеме не случайно. Оно вызвано потребностью взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами в уголовно-процессуальной сфере. Указанная потребность продиктована заинтересованностью нашего государства в выдаче находящихся за рубежом лиц, причастных к деяниям, посягающим на отношения, взятые под охрану российским уголовным законом. Реализовать этот интерес невозможно, не приняв на себя соответствующих обязательств по отношению к другим государствам, стремящимся также самостоятельно привлекать к уголовной ответственности виновных лиц, где бы они ни находились.

Также уголовно-процессуальное взаимодействие различных государств стимулирует следующая ситуация, сложившаяся в крупных российских городах: значительная доля преступлений в них совершается иностранцами, в большинстве своем нелегально находящимися на территории страны. Среди них и те, кто скрывается в Российской Федерации от привлечения к уголовной ответственности за преступления, совершенные за границей.

Укрепление уголовно-процессуального взаимодействия государств, направленного на борьбу с преступностью, не исключает, а скорее, наоборот, предполагает согласованность их деятельности по обеспечению законных прав и интересов личности, потребность в которой, по справедливому утверждению Р. А. О. Гурбанова, на современном этапе лишь увеличивается⁵.

---

⁵ См.: Гурбанов Р. А. О. Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – С. 15.

Эти два вида деятельности – борьба с преступностью и обеспечение законных прав и интересов личности – применительно к уголовному судопроизводству требуют синхронизации, то есть одновременного осуществления. Данное обстоятельство актуализируется не только для уголовно-процессуальных отношений, сопровождающих традиционное движение уголовного дела по стадиям уголовного судопроизводства, но также и для отношений, обусловленных реализацией норм, содержащихся в части пятой УПК РФ «Международное сотрудничество». Особое значение параллельное существование борьбы с преступностью и обеспечения законных прав и интересов личности приобретает для экстрадиционных отношений, в рамках которых должны защищаться права запрашиваемых к выдаче лиц. Такое положение дел исторически предопределено, так как начиная с XIX века, когда сотрудничество государств в борьбе с общеуголовными преступлениями стало преобладать над личными интересами государя, субъектами экстрадиции, помимо государств, стали индивиды, чьи права подлежали защите в экстрадиционном процессе⁶.

В настоящее время следовать упомянутой параллели обязывает не только национальное законодательство, ориентированное на защиту прав личности (ст. 6 УПК РФ), но и международные документы, содержащие соответствующие стандарты в указанной области.

Именно по этой причине вызывает сомнение следующее утверждение: «В то время как институт выдачи преступников ставит своей целью борьбу с международной преступностью, институт убежища направлен на обеспечение общепризнанных в императивном режиме прав и свобод человека»⁷. Полагаем, что такое противопоставление применительно к уголовному судопроизводству не учитывает того, что при выдаче лица для уголовного

---

⁶ См.: Гуськов И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. – 2016. – №5. – С. 10.

⁷ Васильев Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 10.

преследования, как и при выполнении любого другого вида процессуальной деятельности, защита прав согласно статье 6 УПК РФ является приоритетным направлением. Тем более, что запрашиваемое к выдаче лицо, как и любое другое, вовлекаемое в уголовно-процессуальную деятельность, нуждается в защите от ограничения его прав и свобод. Именно такой подход используют в своих исследованиях авторы, отстаивающие мнение о том, что все вовлеченные в уголовно-процессуальные отношения лица подлежат защите⁸. Следовательно, и лицо, выдача которого запрашивается, подлежит уголовно-процессуальной защите, которая не исключает борьбы против международной преступности.

К сожалению, правоприменительная практика смещает акценты в целях, стоящих перед выдачей лиц, в сторону борьбы с международной преступностью в ущерб интересам реализации прав этих лиц. Такое смещение явно дает о себе знать, когда оно сопровождается пренебрежительным отношением к праву на защиту лица, запрашиваемого к выдаче. Надо сказать, что данная проблема является лишь частью общей, которая достаточно точно была в свое время обозначена В.Н. Синюковым, но, к сожалению, так и не нашла своего окончательного решения. Речь идет о прогрессирующем ухудшении ситуации по многим позициям правовой защищенности личности – важнейшему международному показателю здоровья правовой системы, и это при том, что введен ряд прогрессивных защитных механизмов⁹.

Указанная тенденция наблюдается отчасти и в отношении запрашиваемого к выдаче лица. Она проявляется в трудностях, которые складываются вокруг реализации его права на защиту. Подтверждением этого являются многочисленные нарушения российского государства в этой сфере, фиксируемые в решениях ЕСПЧ. При этом количество экстрадиционных дел,

---

⁸ См.: Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – С. 13,14.

⁹ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994. – С. 447.

рассматриваемых в ЕСПЧ, продолжает увеличиваться, создавая угрозу для престижа Российской Федерации¹⁰. Комитет министров Совета Европы вынужден обсуждать вопросы исполнения российскими властями постановлений ЕСПЧ о нарушениях прав лиц, запрашиваемых иностранными государствами для уголовного преследования. А именно: на его заседаниях выражалась обеспокоенность повторяющимся характером нарушений и неэффективностью расследования фактов похищений и принудительного перемещения с территории России лиц, в отношении которых заявлено ходатайство о выдаче¹¹. Комитетом министров Совета Европы было выдвинуто предложение предоставить более подробную информацию о практической реализации существующего в России превентивного и защитного механизма в отношении лиц рассматриваемой категории¹².

Все это свидетельствует об остроте проблемы эффективности реализации в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования. Однако не только указанные особенности практики ЕСПЧ обуславливают необходимость решения обозначенной проблемы. Есть и другие обстоятельства, актуализирующие ее. К их числу можно отнести: соответствующие положения международно-правовых документов, ориентированные на необходимость защиты прав лица; курс на защиту личности от ограничения ее прав и свобод, взятый российским законодателем (ч. 1 ст. 6 УПК РФ); складывающуюся практику

---

¹⁰ См.: Богачевская Е.А., Новиков Д.С. Совершенствование регламентации международного сотрудничества // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1 (34). – С. 111.

¹¹ Подобные нарушения зафиксированы в ряде документов (См.: Касымахунов против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 14.11.2013 (жалоба № 29604/12) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 11(149)); Эрмаков против России: постановление ЕСПЧ от 07.11.2013 (жалоба № 43165/10) // Российская хроника Европейского Суда. – 2014. – № 3; Низомхон Джураев против России: постановление ЕСПЧ от 03.10.2013 (жалоба № 31890/11) // Российская хроника Европейского Суда. – 2014. – № 2.

¹² См.: Кононов А. Организация взаимодействия МВД России с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека // Проффессионал. – 2015. – № 2. – С. 30.

Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, вектор которой в основном совпадает с указанным законодателем курсом.

Решение проблемы эффективности реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования предполагает обязательную оптимизацию правового регулирования ряда вопросов выдачи лица. Это и понятно, поскольку такая реализация не может рассматриваться в отрыве от экстрадиционных отношений. Она призвана их сопровождать.

Указанную оптимизацию, на наш взгляд, следует осуществлять в рамках УПК РФ, абстрагируясь от идеи издания отдельного федерального закона о выдаче (экстрадиции), приверженцы которой есть не только в России, но и за рубежом. Они считают эту меру в силу разных причин необходимой для своего национального уголовно-процессуального законодательства¹³. Против этого в литературе уже приводились убедительные аргументы, одним из которых является наличие в действующем УПК РФ главы, регламентирующей выдачу лица для уголовного преследования¹⁴. Относительно довода сторонников принятия специализированного закона, обеспечивающего дальнейшее развитие института выдачи, ликвидации пробелов УПК РФ, устранения противоречий российских и международных норм, касающихся экстрадиционной процедуры¹⁵, следует сказать, что эти проблемы разрешаемы

---

¹³ См.: Ху Жунь. Правовые проблемы борьбы с коррупцией Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и пути их решения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 85; Жумабекова К.Д. Перспективы развития законодательства о выдаче (экстрадиции) преступников // Актуальные проблемы юридических и общественных наук: материалы международной научно-теоретической конференции курсантов / отв. ред. канд. юрид. наук Д.Т. Кенжетаев. – Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2016. – С. 108–109.

¹⁴ См.: Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 10.

¹⁵ См.: Несмачная Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации. – Саратов, 2016. – С. 81.

и в рамках кодифицированного уголовно-процессуального закона.

Для того чтобы знать, в каком направлении совершенствовать право на защиту запрашиваемого к выдаче лица, необходимо уяснить его сущность, понять его структуру.

Наше исследование будет касаться права на защиту лиц, находящихся только на территории Российской Федерации, в отношении которых поступил запрос от иностранного государства.

Запрашиваемые к выдаче лица, включаясь в орбиту уголовно-процессуальных отношений и приобретая определенный статус, становятся носителями права на защиту. Содержание данного права тесно связано с другим правовым явлением – защитой запрашиваемого к выдаче лица. Именно она предоставляется указанному лицу как личное благо. Следует отметить, что защитой в уголовном процессе пользуется широкий круг лиц. Как верно отмечает Д.В. Татьянанин, «любое лицо, независимо от его процессуального статуса, имеет право на оказание квалифицированной юридической помощи в целях обеспечения защиты нарушенных прав и законных интересов»¹⁶.

Полагаем, что лица, подлежащие защите, не обязательно должны быть официально признаны законодателем участниками уголовного судопроизводства (например, подозреваемыми, обвиняемыми). Главное, чтобы они были вовлечены в уголовно-процессуальные отношения. Основанием для таких рассуждений является сформулированное в ст. 6 УПК РФ положение об обязательной защите личности от необоснованного ограничения ее прав и свобод. Именно оно позволяет объяснить возможность обладания запрашиваемым к выдаче лицом правом на защиту. Данная идея получила свое подтверждение и в актах официального толкования правовых

---

¹⁶ См.: Татьянанин Д.В. Международные принципы в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / под ред. Т.В. Решетневой. – Ижевск: Jus est, 2014. – С. 44.

норм, признающих за лицом, запрашиваемым к выдаче, право на защиту¹⁷. Более того, она стала доминирующей и в некоторых международных актах, подчеркивающих необходимость признания и защиты нарушенных прав и свобод человека¹⁸, предоставления юридической помощи тем, кто в ней нуждается¹⁹. Несмотря на такую полномасштабность защиты, необходимо учитывать и отличия, которые присущи тем или иным ее видам. Эти отличия выражаются в разных защитных возможностях субъектов, что предопределяется их неодинаковым процессуальным статусом.

Говоря о защите лица, запрашиваемого к выдаче, следует отметить, что под нее подпадают такие законные интересы, которые проявляются в желании данного лица избежать экстрадиции. Изучение практики производства о выдаче лица для уголовного преследования показало, что 100% запрашиваемых к выдаче возражали против нее. При этом мотивация данного возражения связана с предположением лица о необъективности рассмотрения уголовного дела в отношении него, с его боязнью необоснованного уголовного преследования, с убеждением в своей невиновности, а также с тем, что осуществление розыска связано с его профессиональной общественно-политической деятельностью. Особенно хорошо это прослеживается в

---

¹⁷ См.: О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (п. 1) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9. – С. 10–14. Далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 № 29.

¹⁸ См., например, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 13), целью которой, как указывается в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», являются эффективное признание и защита нарушенных прав и свобод человека (Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 24.06.2013) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.espch.ru/content/view/52/> (дата обращения: 03.08. 2022).

¹⁹ См., например, Бангкокскую декларацию «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, принятую на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию 18–25 апреля 2005 г. (п. 18) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bangkok_declaration.shtml (дата обращения: 03.08 2022).

материалах экстрадиционных проверок, проводимых прокуратурой Липецкой области, а также в судебных решениях, вынесенных по результатам проверки жалоб запрашиваемых к выдаче лиц²⁰.

Таким образом, защита лица, запрашиваемого к выдаче, – это защита от экстрадиции. В литературе она справедливо называется защитой от необоснованной выдачи в другое государство²¹. А права, которыми для осуществления защиты от экстрадиции закон наделяет данное лицо, а также тех, кто призван отстаивать его интересы (защитник, законный представитель) в ходе применения процедуры выдачи, в совокупности образуют право на защиту лица, запрашиваемого к выдаче. Похожий подход к пониманию права на защиту, правда, в отношении уже другого участника уголовного судопроизводства, заложен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29. В нем отмечается, что право обвиняемого на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя всеми не запрещенными законом способами и средствами (п. 2).

Право на защиту принадлежит лицу, запрашиваемому к выдаче, на всех этапах процесса выдачи, предполагающих его участие. Уточнение, сделанное относительно этапов процесса выдачи, и касающееся участия в них запрашиваемого к выдаче лица, особенно важно, поскольку среди других есть и такой этап, в котором указанное лицо участия не принимает. Речь идет о получении Российской Федерацией от иностранного государства просьбы о выдаче лица. На этом этапе лицо еще не знает, что предполагается его участие в экстрадиционных отношениях, поскольку никакой информации об этой просьбе у него нет. А раз на данном этапе нет запрашиваемого к выдаче лица

---

²⁰ Апелляционное постановление Калужского областного суда от 15.06.2017 (дело № 22К-843/2017) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?r> (дата обращения: 29.07. 2022).

²¹ См.: Баренбойм П. Экстрадиция без защиты // Право и экономика. – 2013. – №7. – С. 64.

как обладателя права на защиту, то нет и самого права. Вместе с тем на всех последующих этапах выдачи это лицо становится процессуальной фигурой, реализующей свое право на защиту. Сказанное позволяет говорить о сложной структуре права на защиту запрашиваемого к выдаче, включающей его право на защиту при применении к нему уголовно-процессуального принуждения; право на защиту в ходе принятия решения о выдаче; право на защиту при обжаловании решения о выдаче; право на защиту при фактической передаче лица.

Обоснованность такого подхода подтверждается анализом опубликованных судебных решений ЕСПЧ. Так, в ходе изучения постановлений ЕСПЧ обращает на себя внимание то, что именно вопросы применения уголовно-процессуального принуждения к лицу, запрашиваемому к выдаче, принятия решения о выдаче лица, передачи указанного лица являются наиболее важными, ключевыми для заявителей, о чем свидетельствует повышенная активность последних, связанная с обжалованием в первую очередь именно этих позиций. Например, по делу «Сидиковы против России» и один заявитель (Ф.Ф. Сидиков), и второй (У.Г. Сидикова), прежде чем обратиться в ЕСПЧ, осуществляли свою защиту от экстрадиции вместе со своими адвокатами главным образом путем обжалования вышеперечисленных уголовно-процессуальных действий, выполняемых в рамках процедуры выдачи лица для уголовного преследования²².

Следовательно, структуру права на защиту запрашиваемого к выдаче лица следует рассматривать в двух дополняющих друг друга ракурсах – по субъектам, реализующим право на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, и по этапам экстрадиционного процесса.

---

²² См.: Сидиковы против Российской Федерации (жалоба № 73455/11): постановление ЕСПЧ от 20.06.2013 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 6.

Нельзя не отметить еще одну особенность права на защиту запрашиваемого к выдаче лица, отличающую его от аналогичного права других участников уголовного судопроизводства, в частности подозреваемого и обвиняемого. Она связана с его нормативным закреплением.

УПК РФ основательнее регламентировал выдачу лица для уголовного преследования по сравнению с УПК РСФСР, в котором на этот счет содержалась лишь одна статья, отсылающая по всем вопросам сотрудничества «к законодательству Союза ССР, РСФСР, международным договорам, заключенным СССР и РСФСР с соответствующими государствами, – это статья 32 «Порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими учреждениями иностранных государств»». Несмотря на такое преимущество современного уголовно-процессуального законодательства перед ранее действовавшим, права лица, запрашиваемого к выдаче, четко в уголовно-процессуальном законе не прописаны. Это зачастую вызывает споры по ряду вопросов выдачи и, как следствие, приводит к обжалованию действий государственных органов и должностных лиц, задействованных в указанной процедуре. В отличие от уголовно-процессуального законодательства некоторых других государств (например, Республики Беларусь), УПК РФ не включает положения ни о защите лиц, в отношении которых поступил запрос о выдаче, ни об их праве на защиту. Лишь в статье 463 УПК РФ упоминается «об участии защитника в обжаловании решения о выдаче лица и судебной проверке его законности и обоснованности».

УПК других государств, включая и те, с которыми Российская Федерация осуществляет наиболее интенсивно сотрудничество в сфере экстрадиции (Беларусь, Германия, Испания, Казахстан, Узбекистан, Франция²³), затрагивает не только вопросы участия, но и в той или иной

---

²³ См.: Малов А. Указ. соч. – С. 3.

степени уделяет внимание поддержанию прав и интересов таких лиц, их защите и праву на нее. Достаточно обратиться, например, к п. 9 ст. 6 УПК Республики Беларусь, содержащей дефиницию защиты и понимающей под ней процессуальную деятельность, осуществляемую стороной защиты в целях обеспечения «прав и интересов лица, задержанного либо того, к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи». Кроме того, нарушение права на защиту лица согласно ч. 2 ст. 518 УПК Республики Беларусь является «основанием для вынесения судьей постановления об освобождении задержанного, отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и освобождении его из-под стражи, домашнего ареста, произведенных на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением лица в международном розыске с целью выдачи».

Данные нормы удачно согласуются с соответствующими положениями подписанной 7 октября 2002 г. в г. Кишиневе государствами – участниками СНГ Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам²⁴, ратифицированной Республикой Беларусь. В частности, речь идет о положении, содержащемся в статье 76 данной Конвенции «Обеспечение права на защиту», демонстрирующем заботу о лице, запрашиваемом к выдаче. В нем говорится о том, что за лицами, взятыми под стражу (задержанными), «признается право на защиту на территории каждой из договаривающихся сторон в соответствии с их законодательством». Однако

---

²⁴ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Кишиневе 07.10.2002 // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 2002. – № 2(41). – С. 82–130. Далее – Кишиневская конвенция (2002).

Россия, будучи инициатором и основным разработчиком Кишиневской конвенции (2002), до сих пор ее не ратифицировала. В результате этого в отношениях между Российской Федерацией и другими участниками этой Конвенции продолжает применяться Минская конвенция (1993), в которой нет места такому пристальному вниманию к праву на защиту запрашиваемого к выдаче лица и его обеспечению, так как отсутствует отдельная статья, посвященная данному вопросу, а само слово «защита» в тексте данного документа используется лишь однажды – в ч. 1 ст. 1, предоставляющей «гражданам каждой из договаривающихся сторон, а также лицам, проживающим на ее территории, возможность пользоваться на территориях всех других договаривающихся сторон в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой защитой, какой пользуются собственные граждане данной договаривающейся стороны». Немногим чаще к категории «защита» может найти обращение и в тексте Типового договора о выдаче²⁵, регулирующего международное сотрудничество Российской Федерации. Применительно к лицу, в отношении которого поступает просьба о выдаче, она используется в регламентации одного из обстоятельств, исключающих выдачу (п. g ч. 1 ст. 3 «Императивные основания для отказа»), а также в регламентации одного из видов документов, представляемых в обоснование просьбы о выдаче (п. d ч. 2 ст. 5 «Каналы связи и необходимые документы»).

Что же касается Европейской Конвенции о выдаче ETS № 024 от 13 декабря 1957 г., ратифицированной Российской Федерацией, то в ней термин «защита» не используется в принципе. Полагаем, что отсутствие в упомянутых нами международно-правовых документах должного внимания к правовому регулированию защиты лица, запрашиваемого к выдаче,

---

²⁵ Типовой договор о выдаче: [резолюция 45/116](https://www.unhcr.org/refworld/doc/3a6d4d4d.html) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года: принята 14.12.1990 на 68-ом пленарном заседании 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/14062> (дата обращения: 03.08. 2022).

благоприятствует чрезмерной содержательной скромности закрепленных в российских уголовно-процессуальных нормах возможностей запрашиваемого к выдаче лица и условий их реализации.

Вне всяких сомнений, дефицит надлежащих указаний по этим вопросам в российском уголовно-процессуальном законодательстве не лучшим образом сказывается на реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче.

Исследование права на защиту **указанного лица** позволяет подойти к понятию реализации права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования.

Но прежде следует отметить, что оно производно от категории «реализация права на защиту», произошедшей в свою очередь от понятия «реализация права». Следовательно, содержание последнего присуще всем видам реализации права на защиту, включая и реализацию права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования.

Реализация права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, многоаспектна. Применительно к ней работает сформулированное в литературе следующее правило, рассчитанное на реализацию любого субъективного права: происходит переход от наибольшей абстракции – правовой статус – к конкретному правоотношению, в котором реализуется субъективное право²⁶.

Вместе с тем реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, свойственна специфика, которая в первую очередь проявляется в субъектном составе рассматриваемого процесса. В реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, задействовано не только само лицо, являющееся обладателем права на защиту и в связи с этим наделенное возможностью реализовывать его непосредственно. При этом немаловажно

---

²⁶ См.: Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан: монография. – Ростов н/Д.: РЮИ МВД РФ, 2005. – С. 134.

сотрудничество с защитником, обусловленное потребностью лица в юридической помощи при осуществлении указанных прав. Проявлением такого сотрудничества является сообщение лицом своему защитнику тех фактов, которые могут быть предъявлены в защиту его интересов. Для несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, приоритетно участие его законного представителя в реализационном процессе. Наконец, реализацию права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, трудно осуществима без участников, наделенных властными полномочиями, особенно без прокурора. Лица, защищающие интересы запрашиваемых к выдаче, государственные органы и должностные лица, не являясь носителями права на защиту в рассматриваемом нами контексте, лишь способствуют его реализации. Выполняя эту роль, защитник и законный представитель защищают интересы лица, запрашиваемого к выдаче, а государственные органы и должностные лица обеспечивают его право на защиту. Говоря о последних субъектах, необходимо иметь в виду, что реализацию права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования они осуществляют параллельно с экстрадиционной деятельностью.

Помимо специфического круга субъектов реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче свойственны и другие особенности. Среди них – протекание ее в рамках экстрадиционных отношений, подчиненных процедурным требованиям, предусмотренным главой 54 УПК РФ. Реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче всегда сопровождает экстрадиционное производство, становясь его обязательным атрибутом. Это объясняется тем, что даже в случае устранения самого лица, запрашиваемого к выдаче, от защиты своих прав реализация их указанному субъекту гарантируется действиями государственных органов и должностных лиц. Однако существование реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица продиктовано не только гуманными соображениями, побуждающими оградить это лицо от произвола, но и призвано сбалансировать публично-

правовые и частноправовые интересы в рамках экстрадиционного производства. Достижение этой цели происходит как путем выполнения соответствующими субъектами правомерных действий, так и другим путем – в ходе правомерного бездействия. Доминирующими в указанном комплексе являются правомерные действия. Совершение их нередко происходит с участием переводчика на стороне лица, запрашиваемого к выдаче. Поскольку действия и бездействие, ориентированные на реализацию права на защиту запрашиваемого к выдаче лица, регламентируются правовыми нормами, то и сам реализационный процесс опирается на правовую базу в виде международных договоров, российского и зарубежного законодательств.

Перечисленные особенности реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, демонстрируют задействованность в реализационном процессе всех его структурных элементов (субъектов, объекта, средств и способов). Учет специфики объекта, субъектов, условий реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, а также форм поведения субъектов указанной реализации позволяет сформулировать следующую дефиницию: реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования – это осуществление запрашиваемым к выдаче для уголовного преследования, его защитником, законным представителем, соответствующими государственными органами и должностными лицами предусмотренного законом права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, путем совершения правомерных действий, вынесения решения и бездействия в ходе применения в отношении данного лица экстрадиционной процедуры, находящихся отражение в уголовно-процессуальных актах.

Вопросы для самоконтроля:

1. Раскройте понятие права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования;
2. Какова структура права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования?
3. Раскройте содержание права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования;
4. Какова структура реализации в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования? Перечислите и охарактеризуйте ее элементы.
5. Кто относится к субъектам права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования?

2. Средства и способы реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования

Реализация права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования имеет свою структуру, которая представлена следующими составляющими: субъектами реализации, объектом реализации, средствами реализации и способами реализации.

Говоря о субъектах реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица, необходимо иметь в виду следующие их группы:

1) субъекты, обязанные обеспечить реализацию права на защиту запрашиваемого к выдаче лица. Данные субъекты представляют государство, которое, по справедливому замечанию В.В. Дорошкова, играет консолидирующую, цементирующую роль защитника всего населения²⁷. В рассматриваемом нами контексте речь в первую очередь идет о судьях и прокурорах. Они не только непосредственно обеспечивают правопорядок, но и принимают меры к защите прав и свобод человека и гражданина²⁸. Говоря о прокурорах как представителях указанной группы субъектов, необходимо учитывать следующие особенности: центральное место среди них отводится Генеральному прокурору Российской Федерации, что связано с его абсолютным полномочием по принятию ключевого решения в ходе экстрадиционного производства, а именно, решения о выдаче лица; значительная часть полномочий, принадлежащих прокурору района в связи с процедурой выдачи лица, осуществляется только прокурором или его заместителем и не должна возлагаться на его помощника (например,

---

²⁷ См.: Дорошков В.В. Проблемы законности и справедливости как проблемы буквы и духа закона // Союз криминалистов и криминологов. – 2014. – № 2 (2). – С. 89–92.

²⁸ См.: Безруков А.В. Конституционно-правовые основы обеспечения правопорядка органами прокуратуры в России // Российская юстиция. – 2016. – №1. – С. 2–4.

получение объяснения от задержанного и заполнение листа экспресс-опроса²⁹; принятие решения об избрании меры пресечения; освобождение экстрадиционно-задержанных лиц и т.д.³⁰)

Субъекты реализации права на защиту данной группы не могут перекладывать свою обязанность обеспечить реализацию права на защиту запрашиваемого к выдаче лица на само лицо, а также на других лиц. Сказанное относительно роли властных субъектов в реализации прав запрашиваемого к выдаче лица позволяет усомниться в корректности разграничения уголовно-процессуальных актов на акты-решения, акты-протоколы и акты, направленные на реализацию прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства³¹. Ориентированность на реализацию прав участников уголовного судопроизводства является одним из обязательных качеств, присущих любому процессуальному акту, в том числе и актам-решениям и актам-протоколам. Они не только не должны нарушать права каких-либо участников, но и призваны стимулировать реализацию этих прав. Это обусловлено тем, что любая уголовно-процессуальная деятельность властных субъектов, в том числе и та, в ходе которой рождаются процессуальные акты, осуществляется в двух параллельных векторах: борьба с преступностью и реализация прав лиц, втянутых в нее.

2) лица, обязанные участвовать в реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица. К ним относятся защитник, законный представитель лица, запрашиваемого к выдаче. Они не несут той обязанности по обеспечению реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица,

---

²⁹ См.: Выступление заместителя прокурора Советского района г. Брянска А.Г. Мглинца на семинаре по вопросам экстрадиции // Сборник методических материалов и нормативных актов по вопросам экстрадиции. – Брянск, 2009. – С. 26.

³⁰ См.: Выступление начальника отдела Коберника Р.П. // Сборник методических материалов и нормативных актов по вопросам экстрадиции. – Брянск, 2009. – С. 11.

³¹ См.: Муратова Н.Д. Правореализационная модель процессуальных актов адвокатов в уголовном судопроизводстве: монография. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2010. – С. 18.

которая возложена на субъектов первой группы. Однако это не исключает определенных обязательств защитника по участию в реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица. Аналогичная обязанность возлагается и на законного представителя несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче. Причем, данный вывод останется актуальным и в случае принятия проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования процедуры выдачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора), оговаривающего возможность отказа в выдаче несовершеннолетнего, если его выдача несовместима с мерами защиты его прав и интересов или его перевоспитания»³². Основанием является, как верно отмечается в заключении по данному проекту, в большинстве двусторонних международных договоров Российской Федерации о выдаче отсутствие каких-либо ограничений, связанных с выдачей несовершеннолетних. «Следовательно, – отмечается в данном документе, – в случае поступления запроса о выдаче несовершеннолетнего и в случае соответствия запроса всем необходимым требованиям международного договора и отсутствия оснований для отказа в выдаче российская сторона будет обязана выдать несовершеннолетнего, не имея при этом возможности сослаться на нормы внутреннего законодательства, ограничивающего возможность выдачи данной категории лиц»³³.

---

³² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования процедуры выдачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора): проект Федерального закона № 67509-7, подготовленный Минюстом России (внесен в ГД ФС РФ 29.12.2016 Правительством РФ, принят в первом чтении 16.06.2017) [Электронный ресурс]. — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29> (дата обращения: 28.07.2022). Далее – проект Федерального закона № 67509-7.

³³ См.: Заключение Правового управления по проекту федерального закона № 67509-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования процедуры выдачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора)», внесенному Правительством Российской Федерации (первое чтение) [Электронный ресурс]. — URL:

Обязанности защитника и законного представителя по участию в реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица вытекают из ряда процессуальных норм, ориентирующих их на использование в интересах защищаемого средств и способов, не запрещенных законом. Так, обжалование решения о выдаче (ч. 1 ст. 463 УПК РФ) следует рассматривать как выполнение ими своей обязанности, если на этом настаивает запрашиваемое к выдаче лицо.

Кроме того, в качестве обязанности следует толковать обоснование защитником в суде жалобы на решение о выдаче лица, предусмотренное частью 5 ст. 463 УПК РФ и используемое защитником в интересах лица, запрашиваемого к выдаче.

Следует отметить, что субъекты первой и второй группы не имеют собственного интереса к результатам экстрадиционного производства, они лишь содействуют запрашиваемому к выдаче лицу в реализации его права на защиту. В этом смысле о них следует говорить как о субъектах, способствующих реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица.

3) лица, которые в отношениях с первой группой субъектов рассматриваемой реализации являются заведомо более слабой стороной. Это лица, запрашиваемые к выдаче. Они не обязаны, но имеют право участвовать в реализации собственных возможностей, формирующих право на защиту. Это означает, что лицо может либо реализовывать имеющиеся возможности собственными действиями, либо отказаться от их реализации. Так как, справедливо указывается в процессуальной литературе, использование или неиспользование субъективных прав является сугубо добровольным делом, и никто не может принуждать лицо к использованию своих прав, равно как никто не может нести никакой ответственности за их неиспользование³⁴.

<http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29> (дата обращения: 28.07.2022).

³⁴ Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Велби, Проспект, 2006. – С. 606.

Несмотря на отказ запрашиваемого к выдаче лица от реализации своих возможностей, право на защиту этого лица тем не менее подлежит реализации, правда, не во всех его аспектах. Это связано с тем, что некоторые составляющие права на защиту запрашиваемого к выдаче лица способны реализовываться не только данным лицом, но и с другими субъектами (главным образом государственными органами и должностными лицами) в порядке выполнения ими возложенных на них обязанностей. Например, суд обязан обеспечить участие защитника в ходе проверки жалобы на решение о выдаче, если подавшее ее лицо скрылось. Эта обязанность суда продиктована требованием об обязательном участии защитника в указанной ситуации³⁵.

Однако мнение запрашиваемого к выдаче лица по поводу участия защитника суду неизвестно. Не исключено, что лицо может по разным причинам отрицательно относиться к такому участию, не намереваясь реализовывать свое субъективное право. Таким образом, в данном случае право на участие защитника при рассмотрении жалобы на решение суда о выдаче реализуется судом, даже если само лицо, возможно, реализовывать его не желает.

Данное обстоятельство свидетельствует о повышенном внимании нашего государства к проблеме реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, а ее решение в случаях самоустранения лица от реализации имеющихся у него отдельных возможностей отчасти возлагается на государственные органы и должностных лиц.

Далеко не всегда можно решить проблему реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования только силами

---

³⁵ См.: О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 года № 11 (п. 25) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.

государственных органов и должностных лиц. Отказ лица от реализации некоторых своих прав не может быть восполнен действиями государственных органов и должностных лиц, имеющими обратное содержание, например, в случае, если лицо отказалось от обжалования примененной к нему меры пресечения и отказ этот поддержан его защитником и законным представителем. Здесь никакие действия государственных органов и должностных лиц не смогут осуществить реализацию права лица на обжалование. Аналогичная ситуация складывается и тогда, когда лицо не хочет получать копии решения о выдаче или давать объяснения.

Таким образом, желание лица осуществить принадлежащие ему возможности и выполнение им соответствующих действий в этом направлении имеют определяющее значение в реализации его права на защиту.

Сказанное позволяет утверждать, что лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования, не обязано участвовать в реализации своих возможностей при экстрадиции, но вправе это делать. Есть основание считать, что обращаться к участию в реализационном процессе запрашиваемый к выдаче будет просто вынужден. Вследствие того, что выполняемые в ходе процедуры выдачи действия затрагивают его права, делая его равнодушным к итогам экстрадиционного производства. В связи с этим следует говорить о нем как о заинтересованном лице. Данное определение характерно как для лиц, в отношении которых запрос от иностранного государства поступил в Российскую Федерацию, на территории которой это лицо находится (ст. 462 УПК РФ), так и для лиц, в отношении которых запрос от Российской Федерации поступил иностранному государству, где пребывает данное лицо (ст. 460 УПК РФ). Однако это не единственный признак, объединяющий указанных лиц. Все они являются физическими лицами, в отношении которых государством, обращающимся с запросом о выдаче, инициировано избрание их в совершении преступления. Кроме того, все они подпадают

под действие международно-правовых актов.

Вместе с тем гражданство лиц, запрашиваемых иностранным государством, и лиц, запрашиваемых Российской Федерацией, различается. В первом случае имеются в виду иностранцы и лица без гражданства, за исключением лиц, которым предоставлено убежище в Российской Федерации, во втором – преимущественно граждане Российской Федерации.

Кроме того, правовая регламентация реализационной деятельности лиц, запрашиваемых иностранным государством, и лиц, запрашиваемых Российской Федерацией, опирается на разные нормативные источники, призванные на национальном уровне дополнять ключевые международно-правовые акты по вопросам выдачи. Так, реализация права на защиту лиц, запрашиваемых иностранным государством, зиждется на УПК РФ (главным образом глава 54), а лиц, запрашиваемых Российской Федерацией, – на законах иностранного государства, получившего запрос о выдаче.

Структура реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, представлена не только субъектом и объектом. В ней существуют еще средства и способы, которые являются промежуточным звеном между правом на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, и соответствующим поведением субъектов, участвующих в реализации указанного права. Следует отметить, что понятия «средства», «способы» используются для характеристики различных видов процессуальной деятельности, а именно для защиты в уголовном судопроизводстве³⁶, для правообеспечительной деятельности прокурора³⁷ и др.

К средствам реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, по нашему мнению, относятся: «правовые нормы, образующие нормативную основу реализации и определяющие не

---

³⁶ Насонова И.А. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования. – Воронеж: ВЭПИ, 2002. – С. 31–54.

³⁷ См.: Энциклопедия / под общ. ред. О.С. Капинуc. – М.: Фолиант, 2013. – С. 33–34.

только права, подлежащие защите, но и порядок их реализации; юридические факты; процедуры и гарантии»³⁸.

Способы реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, представлены не запрещенными законом действиями и бездействием обладателя права на защиту (запрашиваемого к выдаче лица), иных лиц, содействующих реализации его права (участников, наделенных властными полномочиями, защитников, законных представителей), то есть субъектов указанной реализации.

Средства и способы реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, содержательно различаются. Однако и те, и другие направлены на осуществление возможностей запрашиваемого к выдаче лица, формирующих его право на защиту. Но это не единственное, что их сближает. Есть и другие объединяющие качества, к которым относятся:

- их системность, выражающаяся в упорядоченной совокупности средств и способов, взаимосвязанных между собой. Говоря о взаимосвязи способов и средств (в частности, гарантий, процедур, юридических фактов, правовых норм), необходимо иметь в виду, что способы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, с одной стороны, гарантируют указанную реализацию, а с другой – сами нуждаются в гарантиях. Разновидностью последних является соблюдение определенных процедур при применении многих способов. На гарантирующий эффект процедур уже обращалось внимание в литературе³⁹. Такой подход полностью соответствует широко распространенному среди ученых мнению об уголовно-

---

³⁸ Насонов А.А. Специфика защитных механизмов при выдаче лица для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 4. – С. 98–103; Насонов А.А. О средствах и способах реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф., 22–23 сентября 2016 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России; [под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова]. – Краснодар : Юг, 2017. – С. 287.

³⁹ См.: Баранов В.М., Поляков М.П., Сычева О.Н. Презумпция истинности приговора: монография. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – С. 230.

процессуальной форме как процессуальной гарантии⁴⁰. Следовательно, процедуры, формирующие процессуальную форму, наряду со способами, в отношении которых они применяются, выполняют также гарантирующую функцию. В связи с этим спорным является мнение, содержащее критику выделения процессуальной формы в качестве гарантий прав личности⁴¹. Не может служить обоснованием такого видения приводимый в литературе довод о том, что соблюдение процессуальной формы зависит от участников уголовного судопроизводства, отличаясь высокой степенью субъективизма, ибо такая зависимость присуща и соблюдению обязанностей, впрочем, как и использованию прав, которые сторонниками приведенной точки зрения все-таки рассматриваются в качестве процессуальных гарантий⁴². Кроме того, и самим последователям анализируемого подхода в своих рассуждениях не удалось абстрагироваться от гарантирующей функции процессуальной формы, о чем свидетельствует приводимое высказывание: «Процессуальная форма, требования закона об обязательности ее соблюдения составляют необходимый элемент в механизме *обеспечения* прав участников уголовного судопроизводства»⁴³ (*курсив наш. – Н.А.*).

Надо сказать, что гарантирующую функцию имеют и юридические факты как средство реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче. Без них возникновение, изменение, прекращение правоотношений, в которых протекает такая реализация, невозможны. Нельзя также не учитывать, что юридические факты и многие способы реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, имеют точки

---

⁴⁰ См.: Советский уголовный процесс / под ред. проф. Д.С. Карева. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – С. 18-19; Кокорев Л.Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1975. – С. 17 и др.

⁴¹ См.: Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография / под общ. и науч. ред. проф. В.А. Семенцова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 11.

⁴² См.: там же. – С. 12.

⁴³ См.: там же.

соприкосновения еще и потому, что в основе каждого из них лежит действие, являющееся основной единицей и для одних, и для других. При этом охватываемые способами указанной реализации действия и воздержание от них должны соответствовать правовым нормам, как и должны соответствовать им гарантии, процедуры и юридические факты. И в этом смысле правовые нормы также являются важной гарантией реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования;

- участие в создании наиболее благоприятных условий для реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица для уголовного преследования, призванных компенсировать фактическое неравенство участников, наделенных властными полномочиями, и участников, такими полномочиями не обладающих, в силу чего вынужденных считаться более слабой стороной⁴⁴. Именно компенсационный характер средств и способов, участвующих в реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, обуславливает их способность гарантировать указанный процесс;

- нацеленность на максимально полное, эффективное и законное осуществление процессуальных возможностей запрашиваемого к выдаче лица. Единая цель средств и способов обеспечивает целостность реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования;

- дифференциация средств и способов, о чем речь пойдет отдельно;
- способность средств и способов быть одним из процессуальных рычагов, с помощью которых осуществляется назначение уголовного судопроизводства, особенно того его сегмента, который касается защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод.

По отношению к способности средств и способов быть одним из

---

⁴⁴ На компенсационный характер права на защиту в литературе уже обращалось внимание, правда, применительно к подозреваемому и обвиняемому (См.: Буфетова М.Ш. Проблемы реализации права на защиту в современном уголовном судопроизводстве // Глаголь правосудия. – 2016. – № 2(12). – С. 59).

процессуальных рычагов, с помощью которых осуществляется назначение уголовного судопроизводства, необходимо отметить следующее. Соответствие указанных средств и способов назначению уголовного судопроизводства предопределяется тем, что сама реализация права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования полностью, впрочем, как и вся сопровождаемая ею экстрадиционная процедура, вписывается в требования части 1 ст. 6 УПК РФ. И это при том, что выдача лица для уголовного преследования, как и любой другой вид процессуальной деятельности, имеет еще и свое специальное назначение. Оно вытекает из соответствующих правовых норм и сводится к установлению наличия или отсутствия оснований для выдачи, проверке данных и принятию решения о выдаче или иного решения.

Поскольку российский уголовный процесс отличается многообразием видов процессуальной деятельности, специальное назначение каждого из которых хорошо прослеживается в действиях, регламентированных уголовно-процессуальными нормами, то нет острой необходимости выделять в тексте УПК РФ цели и задачи каждого вида деятельности, осуществляемого в рамках уголовного судопроизводства. Именно этот путь и выбран законодателем. Если обратиться к логике изложения материала в УПК РСФСР и УПК РФ, то нетрудно обнаружить, что специальное назначение того или иного вида деятельности в них не оговаривается. И это несмотря на то, что нормы, регламентирующие отдельные виды деятельности, консолидируются в институты и даже подотрасли. Такой подход законодателя объясняется тем, что необходимость в отдельных нормах, посвященных этому вопросу, отсутствует. Специальное назначение определенного вида уголовно-процессуальной деятельности легко «считывается» из соответствующих статей УПК РФ.

В связи с этим спорным, на наш взгляд, является предложение Н.В. Несмачной о включении в УПК РФ статьи 453.1 «Назначение

международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства»⁴⁵. Тем более что и цели, которые, по мнению автора, обеспечивает выдача лица для уголовного преследования (безопасность, защита прав, предотвращение, предупреждение, пресечение преступлений), являются весьма абстрактными. По большому счету, они могут быть отнесены и к другим видам уголовно-процессуальной деятельности.

Несмотря на наличие общих черт, средства реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица для уголовного преследования имеют свою специфику. Говоря о правовых нормах как об одном из таких средств, следует отметить, что они регламентируют все составляющие исследуемого реализационного процесса, включая его субъектов; возможности запрашиваемого к выдаче лица, формирующие его объект; средства реализации (юридические факты; процедуры; гарантии) и способы реализации. И в этом смысле правовые нормы являются нормативной основой реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

Исходя из особенностей правовой базы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица для уголовного преследования, имеет смысл говорить о следующих видах норм, наиболее востребованных в экстрадиционном процессе: международно-правовые нормы, национальные правовые нормы и зарубежные правовые нормы.

Международно-правовые нормы являются необходимым средством реализации права на защиту лица в ходе экстрадиции. Это связано с тем, что, во-первых, международно-правовые нормы включают в себя фундаментальные положения, касающиеся защиты лица, обеспечения его прав (например, ст. ст. 7, 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года; ст. ст. 6, 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных

---

⁴⁵ См.: Несмачная Н.В. Указ. соч. – С. 29–30.

свобод от 4 ноября 1951 года), которые получили отклик в российском законодательстве (ст. ст. 45, 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ), признающем существенное значение этих положений. В настоящее время мы можем наблюдать увеличение количества таких норм⁴⁶. Во-вторых, все вопросы международного сотрудничества, а значит, и нормы, их регулирующие, затрагивают интересы не только российского государства, но и других государств. В-третьих, национальное законодательство не всегда подробно регламентирует вопросы взаимодействия российских государственных органов, должностных лиц с соответствующими органами, лицами иностранных государств и международных организаций. Это с высокой степенью обязательности требует применения международно-правовых норм, проявляющих внимание к указанной проблеме.

Право на защиту лица в экстрадиционных отношениях реализуется не только на основе международно-правовых норм. Поскольку такая реализация происходит на территории российского государства, то очевидна необходимость в соответствующих национальных правовых нормах. И такие нормы есть. Они, как и международные нормы, по мнению Е.В. Быковой, констатируют наличие у лица, запрашиваемого к выдаче, права на защиту⁴⁷.

Специфика национальных правовых норм, задействованных в рассматриваемом нами реализационном процессе, заключается в том, что они в отличие от других норм, содержащихся в национальном законодательстве, наиболее явно ориентированы на строгое следование целям и содержанию международно-правовых норм, особенно тех, которые регламентируют вопросы экстрадиции. Это выражается в том, что национальные правовые нормы нередко являются результатом переработки международно-правовых норм, и даже продуктом «имплементации решений ЕСПЧ в российское

---

⁴⁶ См.: Нурлыбаев Н. Некоторые особенности подхода к правовой характеристике выдачи преступников (экстрадиция) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 2. – С. 23.

⁴⁷ См.: Быкова Е.В. Указ. соч. – С. 30.

законодательство»⁴⁸. Так, в УПК РФ есть аналоги содержащегося в части второй статьи 56 Минской конвенции (1993) правила, согласно которому «выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание». Такими аналогами в российском законодательстве являются:

- положение ч. 1 ст. 462 УПК РФ о том, что «Российская Федерация может выдать иностранному государству иностранного гражданина или лицо без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, для уголовного преследования за деяния, которые являются уголовно наказуемыми по уголовному закону Российской Федерации и законам иностранного государства, направившего запрос о выдаче лица»;
- положение п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ, согласно которому «выдача лица может быть произведена, если уголовный закон предусматривает за совершение этих деяний наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание».

Следующая особенность национальных правовых норм как средства реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица связана с тем состоянием, в котором они находятся. Оно характеризуется потребностью в настоятельной конкретизации уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вопросы выдачи и охраны прав лица, подвергнутого указанной процедуре. В настоящее время такая конкретизация осуществляется с помощью норм, содержащихся в ведомственных

---

⁴⁸ См.: Авхадеев В.Р. Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?i> (дата обращения: 11.07. 2022).

нормативных актах. Это и понятно. Как верно отмечает В.Н. Синюков, «подзаконные акты всегда ближе к непосредственной социальной практике, тоньше ее чувствуют, локализуясь в среде профессиональной... или иной специфической деятельности»⁴⁹. Поэтому они, призванные детализировать законы, нужны, «как необходимая профессиональная и компетентная система юридической практики, обеспечивающая реализацию законодательства»⁵⁰.

Однако иногда процесс конкретизации законодательных норм напоминает создание новых уголовно-процессуальных норм. В связи с этим стоит остановиться на следующем примере. Уголовно-процессуальные нормы обходят стороной вопрос о применении задержания к лицу, подвергаемому процедуре выдачи. Соответственно, ими не регламентируются меры, обеспечивающие нормальный ход реализации прав такого задержанного. Вместе с тем Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 5.03.2018 № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» предусматривает не только возможность задержания лица с целью выдачи (п.п. 1.2.1, 1.2.2.)⁵¹, но и гарантии для таких задержанных, среди которых: сроки задержания; запрет на выдачу лица иностранному государству или международному суду при наличии данных, исключающих такую выдачу; получение у задержанных объяснений «о цели их прибытия в Российскую Федерацию, месте, времени проживания и регистрации, гражданстве, наличии или намерении получить статус беженца, временное или политическое убежище на территории Российской Федерации, об обстоятельствах и о мотивах уголовного преследования или осуждения в

---

⁴⁹ Синюков В.Н. Указ. соч. – С. 359.

⁵⁰ Там же. – С. 372.

⁵¹ О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора: указание Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2018 г. № 116/35 [Электронный ресурс]. – URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/116-35.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).

иностранном государстве, возможных препятствиях для его выдачи» (п. 1.2.3), разъяснение прав задержанного (п. 1.2.2.)⁵². Очевидно, что данные ведомственные нормы содержат важные гарантии реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, которые, к сожалению, отсутствуют в федеральном законодательстве.

Очевидна попытка решить проблему охраны прав запрашиваемого к выдаче лица с помощью ведомственного регулирования. И предпринимается она посредством разъяснений, маскирующих создание новых норм, что нельзя признать правильным. В то же время без них реализация права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, была бы еще более затруднительной. Выход из ситуации нам видится в совершенствовании института выдачи лица для уголовного преследования как путем конкретизации его отдельных норм, так и путем включения в него новых норм⁵³. На этот счет в литературе существуют разные предложения, к которым можно относиться неоднозначно. Остановимся лишь на некоторых, которые, на наш взгляд, являются небезынтересными.

Одним из примеров включения новых норм в институт выдачи лица для уголовного преследования могла бы стать реализация на нормативном уровне

---

⁵² Синюков В.Н. Указ. соч. – С. 372.

⁵³ Похожий подход применяется в работах ряда авторов, предлагающих усовершенствовать другие уголовно-процессуальные институты (см., например: Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 35. – С. 92–99; Мешков М.В., Орлова А.А. Об эффективности норм УПК РФ, направленных на защиту прав несовершеннолетних потерпевших // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации: сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. – М.: Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, 2015. – С. 103–111; Музейбов А.Г. Правовые основы профессиональной защиты по уголовным делам // Известия Московского государственного индустриального университета. – 2007. – № 3(8). – С. 43–44; Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт, 2010. – 376 с.; Попов И.А. О некоторых мерах по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Публичное и частное право. – 2012. – № IV. – С. 140–155; Ширванов А.А., Гирько С.И. О необходимости изменений некоторых положений уголовно-процессуального закона и закона об оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 17–20).

предложения А.А. Дмитриевой относительно обязанности судов при решении вопросов выдачи лица для уголовного преследования обсуждать и принимать, при наличии к тому оснований, решение о безопасности участников уголовного процесса⁵⁴.

Цель совершенствования нормативной основы выдачи лица для уголовного преследования – охватить нормативным регулированием разумный максимум вопросов выдачи лица для уголовного преследования, предусмотрев надлежащие гарантии права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче⁵⁵.

Именно этот путь наиболее перспективен для преодоления негативных аспектов еще одной особенности национальных правовых норм. Она заключается в достаточно сильном влиянии на нормы постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые не просто разъясняют, но в ряде случаев также дополняют новыми нормами, расширяя действующее законодательство. И это при том, что Пленум Верховного Суда РФ может только толковать нормы, но не создавать их. Диспропорция между полномочиями указанного структурного подразделения высшего судебного органа и характером некоторых его разъяснений уже была объектом внимания ученых⁵⁶. Применительно к вопросам реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования данную диспропорцию несложно продемонстрировать на следующем примере. В п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или

---

⁵⁴ См.: Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – С. 33–34, 374–375.

⁵⁵ Более подробно данный вопрос будет рассматриваться в работе в дальнейшем применительно к отдельным проблемам, существующим в изучаемой области.

⁵⁶ См.: Панько, К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – С. 127–128; Победкин А.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации как форма толкования и преодоления пробелов уголовно-процессуального права // Государство и право. – М.: Наука, 2008. – № 11. – С. 36.

исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» указано, что «если лицо, в отношении которого был направлен запрос о выдаче, скрылось, то жалоба на решение о выдаче рассматривается без его участия с обязательным участием защитника». Очевидно, что такое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ претендует на создание новой для УПК РФ нормы, впрочем, как и разъяснение того, что применительно «к рассмотрению материалов о выдаче вопросы, не урегулированные главой 54 УПК РФ, подлежат разрешению на основании общих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». По всей вероятности, такого рода правила, затрагивающие вопросы, имеющие ключевое значение для реализации права на защиту лица в ходе экстрадиции, в первую очередь следовало бы закрепить в УПК РФ.

Таким образом, проблема прямых выходов в законодательную сферу ведомственного регулирования и разъяснительной деятельности Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики наиболее отчетливо дает о себе знать применительно к вопросам, связанным с реализацией права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. Вектор ее решения в обоих случаях общий и заключается в разумной детализации правовой регламентации соответствующих вопросов выдачи лица на уровне УПК РФ.

Говоря о зарубежных правовых нормах как средстве реализации права на защиту лица в ходе экстрадиции, важно иметь в виду следующее. Потребности в них в рассматриваемом качестве значительно меньше по сравнению с международно-правовыми и национально-правовыми нормами. Однако наряду с указанными нормами зарубежные правовые нормы также необходимы для реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. Так, в частности, они, подтверждая или опровергая принадлежность деяния к уголовно-наказуемому по законам иностранного государства, направившего запрос о выдаче (ч. 2 ст. 462 УПК РФ), позволяют

Генеральному прокурору РФ или его заместителю сделать выбор между решениями, которые напрямую затрагивают главный интерес лица, запрашиваемого к выдаче, – не быть подвергнутым экстрадиции. Такими решениями являются либо решение о выдаче лица, либо решение об отказе в выдаче лица. Вот почему в ходе экстрадиционной проверки иностранному государству, обратившемуся с просьбой о выдаче лица, направляются запросы на предоставление заверенной выписки из Уголовного кодекса о тяжести преступлений и сроках давности.

Кроме того, без установления в судебном заседании факта принадлежности деяния, в котором лицо обвиняется, к уголовно-наказуемому по уголовному закону и иностранного государства, обратившегося с запросом о выдаче, и Российской Федерации, впрочем, как и без установления того обстоятельства, что санкция уголовного закона за его совершение предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года, невозможно вынесение определения по жалобам на решения о выдаче, о чем свидетельствует изучение соответствующей судебной практики⁵⁷.

Касаясь роли юридических фактов в реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, необходимо отметить следующее.

Поскольку указанная реализация происходит в рамках экстрадиционных правоотношений, то их возникновение будет обязательным для ее начала. А возникновению таких правоотношений будут способствовать определенные предпосылки. Среди них важно назвать направление запрашивающим государством запрашиваемому государству запроса о выдаче лица (ст. 12 Конвенции о выдаче 1957 г., ч. 1 ст. 460, ч. 1 ст. 462 УПК РФ) и получение указанного документа запрашиваемым государством. Возможен и другой

---

⁵⁷ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.01.2017 (дело 10-1027/17) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?r> (дата обращения: 29.07. 2022).

вариант рассматриваемых обстоятельств: сообщение одним государством другому государству просьбы, предшествующей направлению запроса (например, просьбы о временном задержании разыскиваемого лица, когда поручение запрашивающей стороной о выдаче еще не направлено, но она намерена это сделать (ст. 16 Минской конвенции (1993 г.)), и получение такой просьбы запрашиваемой стороной.

Однако только юридических фактов, обладающих свойством порождать экстрадиционные правоотношения, недостаточно для возникновения реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. Чтобы выявить остальные, важно иметь в виду, что указанные правоотношения, в рамках которых проходит названная реализация, представляют собой взаимосвязь государственных органов и лица, запрашиваемого к выдаче. Правда, это не исключает участия в них лиц, отстаивающих интересы лица, запрашиваемого к выдаче. Взаимосвязь в рассматриваемом контексте характеризуется наличием у участников правоотношений юридических прав и обязанностей. Следовательно, реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования не может возникнуть ранее того, как лицо узнало о своем новом положении, то есть положении лица, вокруг которого происходит процедура выдачи в связи с поступившей просьбой иностранного государства. С этого момента запрашиваемое к выдаче лицо может реализовывать свое право на защиту, поскольку знает его содержание, а также то, что его имеет. Такая возможность усиливается потребностью лица в такой реализации, поскольку появление у него нового положения совпадает с началом применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения, способных ограничить его права и свободы. Сказанное означает, что юридические факты появления в уголовном процессе России запрашиваемого к выдаче лица, юридические факты возникновения права на защиту у данного лица и юридические факты возникновения реализации указанного права совпадают. Действительно, не может возникнуть, а тем более реализовываться право на защиту, когда нет лица, нуждающегося в нем. Появление обладателя права на защиту при применении к нему процедуры выдачи неразрывно связано с наличием процессуального документа, в котором ранее остальных содержатся сведения о появившихся у лица правах и разъяснении этих прав. Таким документом в настоящее время является протокол задержания лица, применяемый в целях

обеспечения возможной его выдачи в дальнейшем. Именно в нем отражается факт приобретения запрашиваемым к выдаче лицом прав, формирующих более общее право – его право на защиту. Данное обстоятельство говорит о его сходстве с правоустанавливающими документами.

Изучение материалов по жалобам на постановления Генерального прокурора РФ, его заместителя о выдаче лица для привлечения к уголовной ответственности, так же, как и апелляционных определений по жалобам на постановления судов, проверявших законность и обоснованность решения о выдаче, показало, что задержание используется в отношении лица практически в каждом экстрадиционном случае: и когда запрос иностранного государства о выдаче уже получен⁵⁸, и когда его получение ожидается. Задержания к лицу, вовлекаемому в экстрадиционные отношения, до получения запроса о его выдаче обычно производится в порядке международного розыска лица⁵⁹.

Очевидно, что и в одном, и в другом случае лицо приобретает статус запрашиваемого к выдаче с момента задержания. С этого же момента начинается и реализация его права на защиту. И это несмотря на то, что получение запроса о выдаче лица российской стороной только ожидается. Иностранное государство, узнав о задержании лица, как правило, заверяет Российскую Федерацию в том, что запрос о его выдаче будет направлен в установленный срок.

Между тем изучение ст. 466 УПК РФ позволяет говорить и о другом процессуальном основании приобретения статуса лица, запрашиваемого к выдаче. Оно же одновременно будет и основанием возникновения реализации права на защиту указанного лица. Это постановление об избрании меры пресечения. Данное обстоятельство особенно значимо, если учесть, что

---

⁵⁸ См., например: Архив Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики. – Дело № 3/12-1/2015.

⁵⁹ См., например: Архив Брянского областного суда. – Дело № 22К-30/2017.

возможность задержания такого лица в нормах главы 54 УПК РФ не оговаривается.

Таким образом, для возникновения реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования необходим фактический состав, включающий в себя юридические факты, способные породить экстрадиционные отношения (например, направление иностранным государством запроса о выдаче лица и получение его Российской Федерацией), и юридические факты, необходимые для приобретения лицом права на защиту от экстрадиции (составление протокола задержания или постановления о применении меры пресечения в целях обеспечения возможной выдачи).

Однако реализация права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования характеризуется не только правообразующими юридическими фактами. Одной из важных ее характеристик являются правопрекращающие юридические факты. В качестве оснований прекращения правоотношения, в рамках которых осуществляется указанная реализация, необходимо рассматривать следующие юридические факты: состоявшаяся передача лица иностранному государству как результат исполнения решения о выдаче лица; истечение установленного международно-правовым актом срока, в течение которого ожидается запрос о выдаче лица, задержание и заключение под стражу которого уже состоялось; принятие решения об отказе в выдаче лица; смерть лица, подвергшегося процедуре выдачи.

Примечательно, что если правообразующие юридические факты применительно к реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования представлены только правомерными действиями, то правопрекращающие юридические факты, рассматриваемые в том же контексте, – это не только правомерные действия, зависящие от воли лиц (состоявшаяся передача лица иностранному государству как результат исполнения решения о выдаче лица), но и события, наступление которых не связано с такой зависимостью (смерть лица, в отношении которого

осуществлялась процедура выдачи; истечение установленного международно-правовым актом срока, в течение которого должен прийти запрос о выдаче (если задержание и заключение под стражу в целях обеспечения возможной выдачи осуществлялись до получения запроса о выдаче на основании просьбы о временном задержании, ходатайства о взятии под стражу, поручения об осуществлении розыска)).

Средства реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования дополняются способами, занимающими важное место в структуре реализации указанного права.

Под способами реализации как составляющими механизма правового регулирования принято понимать действия либо воздержание от них⁶⁰. Соответственно, и в структуре реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования ее способы будут иметь то же значение. Важно также учитывать, что и действия, и бездействие являются разновидностью приемов, используемых участниками экстрадиционных отношений. Но это лишь один из показателей способов реализации права на защиту в экстрадиционных отношениях. Остальные показатели связаны со следующими обстоятельствами: урегулированность способов нормами права, невозможность существования способов без появления определенных предпосылок; потребность способов в надлежащем гарантировании, предполагающем создание процедурных условий для их осуществления.

А с учетом всех всего сказанного дефиниция способов реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования выглядит следующим образом: способы реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, – это предусмотренные нормами права, обеспеченные гарантиями действия участников экстрадиционных отношений, протекающие в определенных процедурных условиях и отражаемые в уголовно-процессуальных актах, а

---

⁶⁰ См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 50–55.

также воздержание от действий, направленных на предотвращение возможности незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

Как видно, вектор применения рассматриваемых способов напрямую зависит от того, насколько соответствуют правовому полю ограничения, которым подвергается запрашиваемое к выдаче лицо. В случае такого соответствия ограничения прав и свобод лица признаются допустимыми, поскольку это вытекает не только из международных договоров, но и имеет и конституционное закрепление⁶¹.

Каждому виду реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования будет присуща своя система таких способов. Например, для реализации права на защиту лица в ходе принятия решения о выдаче наиболее типичными будут способы, связанные с его уведомлением, разъяснением указанному лицу права на обжалование и др. А реализация права на защиту лица при обжаловании решения о выдаче обеспечивается способами иного плана: подачей соответствующей жалобы в суд; разъяснением присутствующим в судебном заседании их прав, обязанностей и ответственности; обоснованием заявителем и (или) его защитником жалобы в суде; необсуждением в ходе судебного заседания вопросов виновности лица, подавшего жалобу, и др.

Но не только по видам указанной реализации будут различаться способы. Они могут дифференцироваться и по другим критериям: 1) по субъектам, их применяющим; 2) по обязательности их применения в ходе процедуры выдачи; 3) по содержанию; 4) по степени активности; 5) по нормативному источнику, предусматривающему указанные способы; 6) по характеру поведения субъектов реализации права на защиту в

---

⁶¹ См.: Подшибякин А.С. Конституционные и международно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции. – М.: МАЭП, 2011. – С. 382.

экстрадиционном производстве.

По субъектам, применяющим способы для реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, следует выделять: способы, взятые на вооружение участниками, не обладающими властным ресурсом, такими как запрашиваемое к выдаче лицо, его защитник, законный представитель (например, принесение жалобы на решение суда об избрании в отношении лица, запрашиваемого к выдаче, заключения под стражу; обоснование лицом, запрашиваемым к выдаче, своей жалобы в суде), и способы, которые находятся в арсенале государственных органов и должностных лиц, в частности прокурора, суда (например, получение объяснения у запрашиваемого к выдаче лица; уведомление лица о принятом в отношении него решении о выдаче и др.).

В уголовно-процессуальной литературе зачастую процессуальные действия, применяемые заинтересованным лицом и участниками, выступающими на его стороне, рассматриваются как средства защиты указанных лиц⁶².

Некоторые авторы в своих рассуждениях идут еще дальше, относя к средствам защиты процессуальные действия, выполняемые государственными органами и должностными лицами. Так, Ю.В. Козубенко пишет о том, что «любые процессуальные действия, производимые следователем в ходе досудебного производства, есть средства защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений»⁶³. На наш взгляд, обозначенная позиция далеко не бесспорна. Государственные органы и должностные лица, как уже верно отмечалось в литературе, не защищают участников уголовного судопроизводства, а обеспечивают их право на

---

⁶² См.: Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – С. 260–279.

⁶³ Козубенко Ю.В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема: монография. – Екатеринбург: ООО Издательство УМЦ УПИ 2013. – С. 41.

защиту⁶⁴.

Этот вывод находит свое подтверждение в ч. 1 ст. 11 УПК РФ, возлагающей обязанность обеспечивать возможность осуществления прав участникам уголовного судопроизводства на суд, прокурора, следователя, дознавателя; в ч. 2 ст. 16 УПК РФ, которая говорит об обеспечении указанными субъектами возможности подозреваемому и обвиняемому защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами. Данную точку зрения разделяет и Пленум Верховного Суда РФ, который в одном из своих постановлений обращает особое внимание на то, что обязанность обеспечить возможность реализации прав возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении и предварительное расследование по делу: «на дознавателя, орган дознания, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в ходе судебного производства – на суд»⁶⁵. Наконец, в научной литературе исследование именно правообеспечительного аспекта деятельности указанных участников (руководителя следственных органов, прокурора, начальника подразделения дознания, следователя, дознавателя, суда) получило широкое распространение. И это закономерно, поскольку обязанность указанных должностных лиц по обеспечению реализации прав потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым относится к наиболее существенным гарантиям прав личности в уголовном процессе⁶⁶.

С учетом сказанного нельзя рассматривать действия государственных органов и должностных лиц в качестве средств защиты лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Это обеспечительные средства, которые

---

⁶⁴ См.: Насонова И.А. Указ. соч. – С. 46.

⁶⁵ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (п. 3) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9. – С. 10–14.

⁶⁶ См.: Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – С. 75.

формируют лишь часть способов реализации права на защиту. Другая часть таких способов представлена средствами защиты, применяемыми лицами, не обладающими властными полномочиями. А это в свою очередь означает, что понятия «средства защиты» и «способы реализации права на защиту» не тождественны.

В этом смысле система способов реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица может быть представлена: обеспечительными средствами (используемыми государственными органами и должностными лицами, задействованными в экстрадиционных отношениях) и защитными средствами (применяемыми запрашиваемым к выдаче лицом, его защитником, законным представителем).

Переходя к следующей классификации способов реализации, необходимо учитывать, что далеко не все действия участников правоотношений, которые возникают в связи с выдачей лица, являются обязательными к исполнению.

В зависимости от обязательности применения способов реализации права на защиту в рамках процедуры выдачи имеет смысл различать обязательные и необязательные к применению способы. Обязательные способы реализации подлежат использованию в каждом случае выдачи лица для уголовного преследования (например, разъяснение запрашиваемому к выдаче лицу права на обжалование решения о выдаче, письменное уведомление лица о принятом в отношении него решении о выдаче). Применение же необязательных способов обусловлено некоторыми обстоятельствами, которые могут отсутствовать. Так, обжалование решения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу может состояться в качестве способа реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица лишь при наличии на то желания самого лица. И поэтому действие по обжалованию следует рассматривать как необязательный к применению способ реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для

уголовного преследования.

По содержанию способы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования можно разделить на: уведомительно-разъяснительные (например, уведомление кого-либо из близких родственников о задержании лица, запрашиваемого к выдаче; разъяснение прав задержанному); ознакомительные (например, получение копии судебного решения об избрании меры пресечения; подписание протокола задержания лицом, запрашиваемым к выдаче); выражающие позицию запрашиваемого лица, его защитника и законного представителя в ходе дачи объяснений, заявления ходатайства и обжалования (например, подача запрашиваемым к выдаче жалобы на постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу; участие лица, запрашиваемого к выдаче, его защитника в судебном заседании при рассмотрении жалоб, поданных этими лицами, и др.); направленные на участие защитника в реализационном процессе (например, приглашение защитника; предоставление свиданий с защитником; получение лицом, запрашиваемым к выдаче, консультаций защитника).

По степени активности способы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования делятся на активные и пассивные. Активные способы реализации предполагают совершение ее субъектами действий. Проявлением активного поведения в уголовном судопроизводстве, как верно отмечается в литературе, являются обращения⁶⁷, разновидностью которых считаются заявление ходатайств и подача жалоб. Но не только эти способы имеют действенный характер. Это же характерно, например, для дачи объяснений, обоснования в суде жалобы на решение о

---

⁶⁷ См.: Шепелин И.В. Обращение как форма защиты прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы итоговой всерос. науч.-теорет. конф. (с международным участием) (24-25 октября 2013 г., Сыктывкар): в 5 ч. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2013. – Ч. 1. – 176–178.

выдаче. Активные действия являются залогом успеха в реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче.

Пассивные способы реализации – это бездействие как со стороны субъектов, наделенных властными полномочиями (например, неприменение выдачи лица), так и со стороны субъектов, такими полномочиями не обладающих – запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, его защитника, законного представителя несовершеннолетнего (например, необжалование избранной в отношении лица меры пресечения). Использование пассивных способов лицом, запрашиваемым к выдаче для уголовного преследования, обусловлено существующей для него возможностью самому распоряжаться своими правами. А от этого зависит, будет он пассивен или, напротив, достаточно активен⁶⁸.

С ситуацией востребованности пассивных способов реализации права на защиту чаще всего приходится сталкиваться, когда лицо ограничивается самостоятельной защитой, не прибегая к услугам профессионального адвоката. Полагаем, это обстоятельство играет не последнюю роль в формировании мнения о том, что самостоятельная защита неэффективна, не способна гарантировать реализацию всех предоставленных лицу прав⁶⁹.

Однако пассивное поведение указанных субъектов, которое имеет место в отдельных случаях, не может свидетельствовать о пассивности всего процесса реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования в целом. Именно такая реализация обязательно включает в себя не только пассивные, но и активные действия. Присутствие в структуре реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования активных действий уже не может

---

⁶⁸ См.: Стройкова А.С. Проблемные аспекты обеспечения прав обвиняемого на предварительном следствии. – Краснодар: изд-во Солодовникова А.Н., 2012. – С. 26.

⁶⁹ См.: Зимарин А.Ю. О необходимости права на защиту на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 325.

свидетельствовать о пассивном характере всего реализационного процесса. Тем более что активным действиям в ходе него отводится роль доминанты. В связи с этим необходимо сделать вывод о том, что реализация права на защиту в ходе экстрадиционного производства всегда активна.

Следующий вид классификации способов реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования предполагает их дифференциацию по нормативным источникам, в которых они предусмотрены.

Учитывая, что действия, выражающие содержание таких способов, регулируются не только международными договорами, УПК РФ, но и рядом ведомственных нормативных актов, которые по замечанию Б.Б. Булатова и А.М. Баранова также относятся к источникам нормативно-правового регулирования экстрадиции⁷⁰, в указанных способах могут быть выделены следующие группы:

– способы, основанные на действиях, регламентированных международными договорами (например, «освобождение лица, взятого под стражу согласно пункту 1 статьи 61 Минская конвенция (1993), в случае непоступления требования о его выдаче в течение одного месяца со дня взятия под стражу»; «освобождение задержанного согласно пункту 2 статьи 61 Минской конвенции (1993), если требование о его выдаче не поступит в течение срока, предусмотренного законодательством для задержания»);

– способы, основанные на действиях, урегулированных УПК РФ (например, уведомление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем лица о принятом в отношении его решении о выдаче (ч. 5 ст. 462 УПК РФ));

– способы, основанные на действиях, регламентированных ведомственными нормативными актами (например, получение объяснения у

---

⁷⁰ См.: Булатов Б.Б., Баранов А.М. Уголовный процесс: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп.– М.: Юрайт, 2012. – С. 597, 598.

задержанных лиц);

– способы, обусловленные действиями, регламентированными с разной степенью тщательности и международными договорами, и УПК РФ, и ведомственными нормативными актами (например, действия по отказу в выдаче лица).

Способы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица для уголовного преследования могут различаться по характеру поведения ее субъектов. В связи с этим следует разграничивать:

- способы, ориентированные на соблюдение установленных предписаний. Данные способы выражаются в пассивных действиях. Их суть в несовершении действий, которые затрудняют реализацию права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования и запрещены нормами права. Данные способы применяются главным образом государственными органами и должностными лицами (например, несовершение должностными лицами в отношении запрашиваемого к выдаче лица действий, которые унижают человеческое достоинство (ст. 9 УПК РФ), препятствование лицу делать устные или письменные заявления, давать объяснения и др.);

- способы, ориентированные на использование возможностей, охватываемых правом на защиту запрашиваемого к выдаче лица. Они выражаются в активных действиях лица, запрашиваемого к выдаче, его защитника и законного представителя (например, принесение лицом жалобы на решение Генерального прокурора РФ о выдаче, обоснование в суде указанной жалобы и т.д.);

- способы, ориентированные на исполнение обязанностей. Они рассчитаны главным образом на таких субъектов реализации, как государственные органы и должностные лица. Последние исполняют обязанности, корреспондирующие возможностям запрашиваемого к выдаче

лица, и тем самым способствуют их реализации. Указанные способы выражаются в совершении активных действий (например, письменное уведомление лица о решении, принятом Генеральной прокуратурой РФ; разъяснение председательствующим в судебном заседании прав, обязанностей и ответственности присутствующим и др.);

- способы, ориентированные на правоприменение. Эти способы используются государственными органами и должностными лицами и выражаются в активных действиях (например, признание судом решения о выдаче лица незаконным или необоснованным и его отмена и др.)

Как видно, предложенные классификации способов реализации права на защиту полностью применимы к процедуре выдачи лица для уголовного преследования, что было продемонстрировано на соответствующих примерах.

Однако нельзя не учитывать условности этих классификаций, особенно той из них, в основе которой лежит содержательный критерий. Действительно, один и тот же способ реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица может успешно применяться в рамках разных групп таких способов. Так, разъяснение лицу права на обжалование решения о выдаче можно рассматривать и как уведомительно-разъяснительный способ, и как способ, связанный с обжалованием. Вручение же копии постановления об избрании меры пресечения лицу, запрашиваемому к выдаче, одновременно относится и к уведомительно-разъяснительному способу (поскольку содержит информацию о порядке обжалования решения), и к ознакомительному способу реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица.

При всем этом значение приведенных классификаций заключается в том, что они позволяют создать фундамент для дальнейшего исследования каждого вида реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, а также ориентируют субъектов соответствующих правоотношений на грамотное применение способов.

Все рассмотренные средства и способы призваны не только

содействовать реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, но и сделать этот процесс наиболее эффективным. Закрепление за средствами и способами именно этой функции связано с тем, что эффективность реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования во многом зависит от них.

Говоря о способах реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования в рассматриваемом аспекте, необходимо иметь в виду, что они должны отвечать следующим требованиям:

1) соответствовать праву на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. При этом применение способов не должно навредить интересам такого лица;

2) отвечать критерию оптимальности. Данный критерий должен предъявляться как ко всей системе способов, так и к отдельно взятым способам. В первом случае речь идет о необходимом минимуме способов для успешной реализации права на защиту лица в экстрадиционном процессе. Этот минимум для всех случаев такой реализации должен быть отражен в УПК РФ. Вместе с тем на практике в каждом конкретном случае субъекты, не обладающие властными полномочиями, могут его сокращать за счет отказа от совершения тех или иных действий. Оправданность такого подхода объясняется тем, что в разных ситуациях один и тот же способ будет оцениваться по-разному. Особенно показательна в этом плане ситуация с заявлением ходатайств: в одних случаях заявление ходатайства будет оптимальным способом, в других – нет. Так, обращение к властям иностранного государства с просьбой содействовать лицу в экстрадиции из Российской Федерации не получило широкого распространения среди запрашиваемых к выдаче и их защитников. Это и понятно, данный способ диссонирует с главной идеей реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче – защитой от экстрадиции. Ведь последняя, по справедливому замечанию М.И. Смирнова, относится к процедурам, «не всегда отвечающим

интересам выдаваемого»⁷¹. Однако случаются и отступления от этого правила. О них свидетельствуют просьбы лиц содействовать их экстрадиции из Российской Федерации. В этих случаях «защиту своих интересов лицо видит именно в экстрадиции, а не в уклонении от нее»⁷². И применительно к этой ситуации такое ходатайство можно считать оптимальным способом защиты. Примером могут служить многочисленные обращения содержащегося под стражей Джемала Микеладзе о своей экстрадиции из России в Италию. Они были связаны с надеждой данного лица на то, что итальянский суд заменит ему содержание под стражей домашним арестом⁷³. Однако следует отметить, что лица обращаются с подобными просьбами нечасто. А если такое и случается, то обычно просят о своей выдаче для исполнения приговора. Объясняется это тем, что перспективы для лица в указанной ситуации более ясны, чем при выдаче для уголовного преследования. Об этом, собственно, свидетельствует и приведенный нами пример;

3) быть гарантированными. Способы должны быть подкреплены надежными процессуальными гарантиями, позволяющими субъектам реализации права на защиту воспользоваться ими в экстрадиционном процессе;

4) применение способов должно быть законным. Законность в данном случае рассматривается как общее условие допустимости указанных средств и способов. Ее соблюдение предполагает выполнение главным образом тех действий, которые предусмотрены международно-правовыми нормами и национальными правовыми нормами. Кроме того, такое выполнение должно проходить в порядке, предусмотренном законом.

---

⁷¹ Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. – 2007. – № 3. – С. 14.

⁷² Насонов А.А. Участие защитника в процедуре выдачи лица для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 190.

⁷³ См.: Из Кемерово – в Бари. Суд удовлетворил требование Генпрокуратуры и вора в законе // Коммерсантъ. – 2016. – № 222. – С. 4.

5) выбор способов защитником и законным представителем лица, запрашиваемого к выдаче, должен быть согласован с лицом, запрашиваемым к выдаче. Данный вывод вытекает из сформулированного в литературе общего правила, согласно которому выбор средств защиты может быть признан верным, если он был согласован защищаемым лицом с субъектом, отстаивающим его интересы⁷⁴. По этому же пути идет и судебная практика. В одном из своих решений Челябинский областной суд обратил внимание, что поскольку адвокат не вправе допускать противоречий в позиции защиты, то лицо вправе отозвать жалобу адвоката, составленную без согласования с ним⁷⁵.

Очевидно, что выполнение всех указанных требований призвано положительно влиять на реализацию права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

Вопросы для самоконтроля:

1. Что относится к средствам реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования?
2. Каковы способы реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования?
3. Назовите общие черты способов и средств реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования?
4. Назовите требования, предъявляемые к способу реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования.

---

⁷⁴ См.: Насонова И.А. Указ. соч. – С. 328.

⁷⁵ См.: Постановление Челябинского областного суда № 10-5457/2016 от 17 ноября 2016 года // Обобщение судебной практики за четвертый квартал 2016 года: утв. Постановлением президиума Челябинского областного суда от 22.03.2017 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cheloblsud.ru/upload/file/reviews/general/reviews_2016_04.htm (дата обращения: 27.07.2022).

5. Охарактеризуйте юридические факты как способы реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования.

3. Понятие лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, и основания появления его в российском уголовном процессе

Среди ученых и практиков используются разные наименования лица, в отношении которого приходит запрос о выдаче для уголовного преследования.

Говоря о правоприменителе, следует принимать в расчет, что в судебных постановлениях и определениях, вынесенных в связи с обжалованием решения о выдаче, такое лицо может именоваться и обвиняемым⁷⁶, и экстрадируемым⁷⁷. В уголовно-процессуальной науке на этот счет также существуют разные мнения, что приводит к терминологической неоднородности. Одни авторы называют его запрашиваемым лицом⁷⁸, другие – запрошенным к выдаче лицом⁷⁹, третьи – лицом, совершившим преступление против запрашивающего государства, *или преступником*⁸⁰, четвертые – лицом, подлежащим выдаче⁸¹, пятые – лицом, подлежащим экстрадиции⁸², шестые –

---

⁷⁶ См.: Постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 27 апреля 2015 // Архив Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики. – Дело №3/12-1/2015.

⁷⁷ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24.12.2015 (дело № 57-АПУ15-16) [Электронный ресурс]. – URL: <http://legalacts.ru> (дата обращения: 27.07.2022).

⁷⁸ См.: Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 10.

⁷⁹ См.: Выскуб В.С. Проблемные вопросы отказа в выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 3. – С. 26–29. – С. 27.

⁸⁰ См.: Васильев Ю.Г. Указ. соч.; Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2009. – С. 9; Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. Некоторые вопросы теории и практики / науч. ред. Д.И. Фельдман – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 126 с.

⁸¹ См.: Карасева Е.В. Процессуальные аспекты международного сотрудничества органов предварительного следствия при МВД Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 1999. – С. 34; Шурухнова Д.Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношении государств: права, законные интересы и их гарантии: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 9.

⁸² См.: Марченко А.В. Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 12.

подозреваемым/обвиняемым лицом⁸³.

Изо всех перечисленных наименований самыми спорными являются: «лицо, совершившее преступление против запрашивающего государства» и «преступник». И это при том, что использование в рассматриваемом контексте термина «преступник» восходит еще к временам Киевской Руси, а именно к 911 году, в котором между Русью и Византией был заключен договор, предусматривающий возвращение силой злодеев, скрывающихся за границей⁸⁴. А все дело в том, что факт совершения преступления лицом еще не доказан. Это предстоит сделать. Предрешение же вопроса о виновности лица до вынесения приговора суда и вступления его в законную силу означает нарушение принципа презумпции невиновности, как верно отмечает Н.В. Несмачная⁸⁵. Однако и предложение данного автора называть указанное лицо подозреваемым/обвиняемым вряд ли можно признать правильным. Аналогичной позиции придерживается и ЕСПЧ, обративший внимание при рассмотрении жалобы Х. Насруллоева, выдача которого у Российской Федерации была запрошена Таджикистаном, на то, что «в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации заявитель не является ни «подозреваемым», ни «обвиняемым», поскольку в Российской Федерации в отношении него не расследовалось уголовное дело⁸⁶.

---

⁸³ См.: Несмачная Н.В. Экстрадиция лица для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 2 (103). – С. 229; Малышева Ю.В. Реализация в уголовном процессе Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 126–127.

⁸⁴ Право на такое возвращение имели обе стороны, участвующие в договоре (См.: Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / предисл. А.Д. Каплина; / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 110; Повесть временных лет. Часть 1: текст и перевод. / подг. текста Д.С. Лихачева; перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. – [Изд. 1-е]. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 404 с.)

⁸⁵ См.: Несмачная Н.В. Указ. соч. – С. 10.

⁸⁶ См.: Насруллоев против Российской Федерации: постановление от 11.10.2007 (жалоба № 656/06) 89 // Российская хроника Европейского Суда. – 2008. – № 3.

И действительно, лицо, признанное иностранным государством подозреваемым или обвиняемым, по российским законам таковым не является.

Не вполне подходящими являются также следующие названия: «запрошенное к выдаче лицо», «лицо, подлежащее выдаче», «лицо, подлежащее экстрадиции». Последние два обозначения больше подходят лицам, по которым решение о выдаче уже состоялось, и поэтому они подлежат экстрадиции. Между тем глава 54 УПК РФ рассчитана и на тех, в отношении которых такое решение еще не принято или имел место отказ в выдаче лица. Что же касается термина «запрошенное к выдаче лицо», то он также вызывает сомнения, поскольку ориентирован на тех, кого уже запросили с результатом. Вместе с тем применительно к ситуации выдачи лица для уголовного преследования речь должна идти и о тех лицах, которые находятся в процессе запроса такой выдачи. К таким лицам следует отнести тех, к которым на территории Российской Федерации применено уголовно-процессуальное принуждение (задержаны, заключены под стражу) до получения запроса.

С учетом сказанного более приемлемыми названиями в интересующем нас случае являются следующие, встречающиеся в правовых источниках: «запрашиваемое к выдаче лицо»; «лицо, выдача которого запрашивается». Последнее название используется в некоторых международных договорах Российской Федерации, регламентирующих вопросы выдачи (например, в Договоре между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче от 14 января 2002 г. (п. в ч. 2 ст. 6)). Его наряду с понятием «лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче» используют и в тексте проекта Федерального закона № 67509-7, подготовленного Минюстом России.

Термин «лицо, выдача которого запрашивается» является более точным, выглядит особенно выигрышно, если учесть, что международно-правовые акты допускают возможность участия лица в уголовном судопроизводстве и

тогда, когда поводом для процедуры выдачи является не соответствующий запрос, а, например, ходатайство о взятии под стражу (п. 1 ст. 61 Минской конвенции (1993)) или другая информация, предусмотренная п. 2 ст. 61 и ст. 61.1 указанной Конвенции. Направление же запроса о выдаче лишь предполагается.

Применительно к другому возможному варианту обозначения лица, вокруг которого происходит вся экстрадиционная процедура, а именно термину «запрашиваемое к выдаче лицо», необходимо иметь в виду, что он предусмотрен в УПК РФ, а именно в ч. 2 ст. 465. Однако только этим термином уголовно-процессуальный закон не ограничивается. Наряду с ним используются и такие понятия, как «лицо, в отношении которого принято решение о выдаче» (ч. 2 ст. 463 УПК РФ); «выдаваемое лицо» (ст. 467 УПК РФ), «лицо, в отношении которого направлен запрос о выдаче» (ч. 4 ст. 460, ч. 3 ст. 462 УПК РФ), «лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче» (ч. 1 ст. 464 УПК РФ).

Примечательно, что и в УПК зарубежных стран рассматриваемый субъект именуется по-разному. Так, например, УПК Украины называет его лицом, в отношении которого рассматривается вопрос о выдаче в иностранное государство (ст. 581 УПК Украины). Азербайджанский законодатель обозначает его как «лицо, запрошенное для выдачи» (ст. 496 УПК Азербайджанской Республики). А УПК Республики Беларусь данному субъекту дает следующее определение: «лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи» (п. 9 ст. 6, ст. 507 УПК Республики Беларусь).

Нельзя не отметить, что любое из приведенных выше понятий увязывается с запросом о выдаче лица. В связи с этим можно заключить, что во всех указанных случаях имеется в виду лицо, в отношении которого

приходит запрос иностранного государства о выдаче для уголовного преследования. В то же время неважно, какую роль указанный запрос выполняет применительно к процедуре выдачи: является ли он поводом к ее началу (ст. 60 Минской конвенции (1993)) или обязательным условием⁸⁷ для ее продолжения и вынесения решения о выдаче (п. 1, 2, 3 ст. 61, 61.1 Минской конвенции (1993)).

И все-таки приведенные выше конструкции, используемые в зарубежном законодательстве, весьма громоздки по сравнению с используемым в УПК РФ термином «запрашиваемое к выдаче лицо». Хотя и его можно разгрузить, тем самым оптимизировав обозначение лица, которому он адресуется. В связи с этим предлагается понятие «запрашиваемый к выдаче» использовать в качестве базового, применяемого как в отношении лиц, выдача которых запрашивается для уголовного преследования, так и в отношении лиц, запрашиваемых для исполнения приговора. В целях уточнения предлагаемого базового понятия для указанных категорий лиц понадобятся еще два термина: «запрашиваемый к выдаче для уголовного преследования» и «запрашиваемый к выдаче для исполнения приговора». Наше исследование главным образом будет ориентировано на термин «запрашиваемый к выдаче для уголовного преследования». Им будет обозначаться лицо, выдача которого запрашивается для уголовного преследования. Но поскольку нормы главы 54 УПК РФ рассчитаны на ситуации, общие как для «запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования», так и для «запрашиваемого к выдаче для исполнения приговора», то предпочтительным для закрепления в УПК РФ будет термин «запрашиваемый к выдаче». Преимущество данного варианта перед теми,

---

⁸⁷ Под условиями экстрадиции принято понимать совокупность определенных требований, предъявляемых международным и внутринациональным законодательством к каждому конкретному факту выдачи лица и имеющих своей целью обеспечение правомерности осуществляемой экстрадиции и определение степени ее обязательности (См.: Гончаренко А.И. Условия экстрадиции // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 146.)

которые используются в литературе и применяются в нормативных правовых актах, заключается в том, что конструкция грамматически становится легче, так как запрашиваемый все равно остается лицом. Надо сказать, что законодатель подобный подход уже применил к подозреваемому и обвиняемому (ст. ст. 46, 47 УПК РФ). Нетрудно заметить, в их названии также отсутствует слово «лицо».

Таким образом, предпочтение следует отдать термину «запрашиваемый к выдаче» в силу его лаконичности, емкости, способности унифицировать терминологию в рассматриваемой правовой сфере. Уточняться он будет по мере необходимости применительно к обозначенным выше двум категориям лиц, выделяемых в зависимости от цели выдачи.

Термин «запрашиваемый к выдаче» мы будем применять и в нашей работе, параллельно используя его с тождественными ему понятиями «лицо, запрашиваемое к выдаче» и «лицо, выдача которого запрашивается». Указанными терминами будут обозначаться граждане иностранного государства, лица без гражданства, причем как те, в отношении которых поступление запроса о выдаче предшествовало началу процедуры выдачи, так и те, в отношении которых указанная процедура уже началась без запроса на основании п. 1, 2 ст. 61, 61.1 Минской конвенции (1993), а запрос только ожидается.

Последняя категория запрашиваемых к выдаче лиц требует особого внимания, поскольку действующее законодательство в основном ориентировано на регламентацию правоотношений, возникших в связи с получением Российской Федерацией запроса о выдаче, отвечающего необходимым требованиям⁸⁸. Внимание к лицам, в отношении которых лишь

---

⁸⁸ Надлежащее оформление запроса о выдаче и представление государством-инициатором материалов по вопросу выдачи в необходимом объеме является обстоятельствами, на которые обязательно обращает внимание суд при проверке законности и обоснованности решения о выдаче. Это хорошо прослеживается во многих судебных документах, вынесенных

ождается поступление запроса в ходе начавшейся процедуры выдачи, прослеживается и в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией, и в соответствующих приказах Генерального прокурора РФ, и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Оно связывается со случаями применения к такому лицу уголовно-процессуального принуждения в целях обеспечения возможной выдачи.

Минская конвенция (1993) и Протокол к ней включают следующие ситуации в рассматриваемом контексте: «1. Лицо по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. При этом требование о выдаче будет представлено дополнительно, на что должно содержаться указание в ходатайстве о взятии под стражу до получения требования о выдаче (п. 1 ст. 61); 2. Лицо может быть задержано и без указанного ходатайства, если имеются предусмотренные законодательством основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу (п. 2 ст. 61)»⁸⁹; 3. «Договаривающиеся Стороны осуществляют по поручению розыск лица до получения требования о его выдаче при наличии оснований полагать, что это лицо может находиться на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны. При этом поручение об осуществлении розыска должно содержать указание о том, что требование о выдаче этого лица будет представлено (ст. 61.1)»⁹⁰.

по жалобам на решения о выдаче (См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2013 г. по делу № 2-15Ж/13; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2013 г. по делу № 2-14 Ж/13; постановление Верховного Суда Республики Ингушетия от 31.01.2017 (дело № 3/12-2/2017) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 31.07.2022); постановление Волгоградского областного суда от 22.01.2016 (дело № 3/12-12/2016) и др.)

⁸⁹ Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993), (ратифицирована Федеральным законом от 04.08.1994 № 16-ФЗ и вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Собрание законодательства РФ. – 24.04.1995. – № 17. – Ст. 1472.

⁹⁰ Протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года: подписан в г. Москве 28.03.1997 (Протокол ратифицирован Федеральным законом от 08.10.2000 № 124-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 28.01.2008. – № 4. – Ст. 224.

Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. также не обходит своим вниманием лиц, в отношении которых лишь ожидается поступление запроса в ходе начавшейся процедуры выдачи. Она предоставляет право запрашивающей стороне в случаях, не терпящих отлагательства, обратиться с просьбой о временном задержании лица до направления запроса о его выдаче (ст. 16).

Пленум Верховного Суда РФ, учитывая требования международных договоров, также отреагировал на рассматриваемые ситуации, тщательно перечислив следующие документы, необходимые для рассмотрения судом ходатайства прокурора о заключении лица под стражу до получения запроса о выдаче: «просьба о временном задержании, отвечающая требованиям, которые определены в статье 16 Европейской конвенции о выдаче, если запрашивающее государство является участником указанного международного договора; ходатайство о взятии под стражу, которое содержит информацию, предусмотренную в статье 61 Минской конвенции (1993), если запрашивающее государство является участником данного международного договора; поручение об осуществлении розыска, составленное согласно статье 61.1 Минской конвенции (1993), если запрашивающее государство является участником Протокола от 28 марта 1997 года к этой Конвенции; другие документы, необходимые для заключения лица под стражу либо применения к нему иных мер пресечения до получения запроса о выдаче в соответствии с подлежащими применению международными договорами Российской Федерации»⁹¹.

Этот интерес к лицам, в отношении которых ожидается получение запроса о выдаче, не случаен. Данные лица особенно нуждаются в защите,

---

⁹¹ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 года № 11 (п. 18) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.

поскольку применение к ним самых строгих мер уголовно-процессуального принуждения (задержания и заключения под стражу) не вызывает никаких сомнений. У этой группы запрашиваемых к выдаче лиц в отличие от лиц, в отношении которых поступил запрос о выдаче к началу процедуры выдачи, нет ни малейшего шанса рассчитывать на иную, чем заключение под стражу, меру пресечения.

Таким образом, в зависимости от повода к началу процедуры выдачи лица, которых эта процедура касается, делятся на две группы: лица, в отношении которых поступил запрос к началу соответствующей процедуры, и лица, в отношении которых такой запрос ожидается в случаях, предусмотренных п. 1, 2, 3 ст. 61, 61.1 Минской конвенции (1993).

Термин, объединяющий указанные группы лиц («запрашиваемые к выдаче»), впрочем, как и все другие используемые в нормативных актах, в актах нормативного судебного толкования, научной литературе наименования лица, в отношении которого приходит запрос о выдаче для уголовного преследования, сближает один общий подход – обращение к данному субъекту как к лицу. Аналогичное обращение законодатель использует и к следующим участникам уголовного судопроизводства, не включая в их наименование слово «лицо»: обвиняемый (ч. 1 ст. 47 УПК РФ), защитник (ч. 1 ст. 49 УПК РФ), потерпевший (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), подозреваемый (ч. 1 ст. 46 УПК РФ) и т.д. Означает ли это сходство то, что запрашиваемого к выдаче можно отнести к участникам уголовного судопроизводства?

Прямого ответа на вопрос о принадлежности запрашиваемого к выдаче лица к участникам уголовного судопроизводства в действующем законодательстве найти не удастся. Нет указанных сведений ни в разделе II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», ни в главе 54 УПК РФ «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора». Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для

уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» применяет к лицу, в отношении которого был направлен запрос о выдаче, термин «участие», но, только в одном случае. Он связан с рассмотрением жалобы на решение о выдаче (ч. 2 п. 25).

Учитывая современное состояние правовой регламентации вопросов, касающихся запрашиваемого к выдаче лица, сделать окончательный вывод о том, что данное лицо относится к числу участников уголовного процесса, можно лишь после того, как будет установлена принадлежность ему качеств, характеризующих тех, кто участвует в уголовном судопроизводстве. А они действительно имеют место у лица, запрашиваемого к выдаче. Ведь оно является носителем определенных прав и обязанностей, позволяющих ему вступать в процессуальные правоотношения и осуществлять процессуальную деятельность, выполняя процессуальные действия. Таким образом, оно обладает общими для всех участников уголовного судопроизводства признаками, точно сформулированными в свое время Л.Д. Кокоревым⁹².

Идея принадлежности лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, к участникам уголовного процесса воспринята и некоторыми учеными. Так, А.А. Дмитриева предлагает дополнить имеющееся постановление Пленума Верховного Суда РФ новыми пунктами, предусматривающими обязанность судов при решении вопросов, связанных с выдачей лица для уголовного преследования, обсуждать и принимать, при наличии к тому оснований, решение о безопасности участников уголовного процесса. Тем самым автор косвенно признает лиц, вовлеченных в процедуру выдачи, включая и запрашиваемых к выдаче для уголовного преследования, участниками уголовного процесса⁹³.

Для того чтобы не возникало сомнений в принадлежности этих лиц к

---

⁹² См.: Кокорев Л.Д. Указ. соч. – С. 6.

⁹³ См.: Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – С. 33–34, 374–375.

участникам уголовного судопроизводства, необходимо в законе четко это свойство зафиксировать. Изучение уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран позволяет выявить один из оптимальных способов такой фиксации. Так, УПК Республики Беларусь таких лиц включает в перечень участников уголовного процесса, с помощью которого раскрывается само понятие «участники уголовного процесса» (п. 49 ст. 6 УПК Республики Беларусь). Подобный подход взят на вооружение и украинским законодателем. В п. 25 ч. 1 ст. 3 УПК Украины лицо, в отношении которого рассматривается вопрос об экстрадиции в иностранное государство, названо среди участников уголовного судопроизводства, что российскими авторами оценивается как положительный факт. Это, на наш взгляд, следует учитывать и федеральному законодателю⁹⁴.

Надо сказать, что статья 6 УПК Республики Беларусь «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе», статья 3 УПК Украины «Определение основных терминов Кодекса» являются в некоторой степени аналогами статьи 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе». В каждой из них содержится определение понятия участников уголовного процесса или уголовного судопроизводства. Так, согласно п. 58 ст. 5 УПК РФ «под участниками уголовного судопроизводства понимаются лица, принимающие участие в уголовном процессе». Думается, что дефиниция участников уголовного судопроизводства, представленная российским законодательством, не вполне корректна, так как, во-первых, не дает даже приблизительного ответа на вопрос, кто из субъектов является таким участником; во-вторых, в ней содержится отступление от правил формальной логики.

---

⁹⁴ См.: Мартынюк С.Н., Косовский В.Б. Обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2016 г.; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – С. 122.

Допущено отступление от речевых норм, называемое тавтологией, а именно, в определении употребляются слова «участники» и «участие», имеющие то же самое значение. Ситуация, когда в определяющем понятии содержится определяемое понятие, противоречит правилам, при помощи которых формулируется правильное определение⁹⁵.

Думается, что оптимальным разъяснением понятия «участники уголовного судопроизводства» будет открытый перечень указанных субъектов, включающий в том числе и запрашиваемого к выдаче. По аналогии с п. 49 ст. 6 УПК Республики Беларусь п. 58 ст. 5 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «участники уголовного судопроизводства – суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители и представители, свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также запрашиваемый к выдаче и иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с настоящим Кодексом». При этом замечание о том, что участниками уголовного судопроизводства могут быть иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с УПК РФ, особенно необходимо, если учесть, что в последнее время все отчетливее дает о себе знать идея о необходимости расширения круга участников уголовного судопроизводства. Так, предлагается включить в раздел второй УПК РФ таких новых участников уголовного судопроизводства, как лицо, дающее объяснение; заявитель; лицо, сообщающее о преступлении⁹⁶; изобличаемый⁹⁷;

---

⁹⁵ См.: Челпанов В.Г. Учебник логики. – М.: Научная Библиотека, 2010. – С. 26-27.

⁹⁶ См.: Ахмед Камаран Сабах. Гарантии прав личности в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству России и Ирака: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2017. – С. 11-12.

⁹⁷ См.: Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – С. 12.

задержанный⁹⁸; секретарь судебного заседания; поручитель; залогодатель; статист⁹⁹.

Специфика участия запрашиваемого к выдаче по сравнению с другими участниками уголовного судопроизводства состоит в том, что оно ограничено рамками процедуры выдачи для уголовного преследования, не имеющей никакого отношения к стадиям уголовного судопроизводства. Вместе с тем есть признаки, которые позволяют говорить об определенном сходстве между запрашиваемым к выдаче и участниками со стороны защиты, признанными законодателем (глава 7 УПК РФ). Оно заключается в том, что их появление в уголовном процессе непосредственно либо косвенно связано с обвинительным тезисом, выдвигаемым против них. Только в отношении обвиняемого такой тезис выдвигается российским государством в лице соответствующих органов, а в отношении лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, – иностранным государством. Сходство также прослеживается и в том, что все они отстаивают свои права лично или с помощью участника, называемого законодателем защитником.

Приведенные положения позволяют говорить о том, что запрашиваемый к выдаче выполняет, как и все участники со стороны защиты, уголовно-процессуальную функцию защиты. Это особенно важно, если учитывать, что в литературе факт выполнения уголовно-процессуальных функций зачастую относится к обязательным атрибутам любого участника уголовного процесса¹⁰⁰.

Между тем уголовно-процессуальная функция защиты лица,

---

⁹⁸ См.: Руднев В.И. Статус задержанного как нового участника уголовного судопроизводства // Журнал российского права. – 2017. – № 4 (244). – С. 136.

⁹⁹ См.: Сухорукова А.Н. Статист как участник уголовного судопроизводства // Юридический вестник Кубанского государственного университета: ежеквартальный научно-теоретический и информационно-практический журнал. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 110.

¹⁰⁰ См.: Александров А.С. Участники уголовного судопроизводства // Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – С. 103.

запрашиваемого к выдаче, не получила четкого закрепления в УПК РФ. О наличии у такого лица указанной функции можно судить, как уже говорилось раньше, лишь по названию участника, отстаивающего его интересы. Речь идет о защитнике, относящемся согласно главе 7 УПК РФ к участникам со стороны защиты.

Более глубоко к этому вопросу подходит белорусский законодатель, распространяя понятие защиты на «лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи» (п. 9 ст. 6 УПК РБ). Полагаем такой подход правильным, поскольку осуществляемые в рамках экстрадиционного производства действия порождают у лица, запрашиваемого к выдаче, потребность защищаться не только самостоятельно, но и с помощью защитника, а также законного представителя. Значит, процессуальная деятельность данных участников носит защитный характер.

В связи с этим следующий используемый некоторыми авторами довод против выполнения запрашиваемым к выдаче лицом уголовно-процессуальной функции защиты не является убедительным. Он заключается в том, что в отношении данного лица не выполняются следственные действия¹⁰¹, а значит, принадлежность ему защитной функции сомнительна. Действительно, следственные действия не выполняются, несмотря на то что в некоторых судебных решениях утверждается обратное. Так, в Апелляционном постановлении Воронежского областного суда от 16.06.2016 по делу 22К-

---

¹⁰¹ См.: Степаненко В.И. Международно-правовые аспекты заключения под стражу с целью выдачи иностранному государству // Советское государство и право. – 1991. – №11. – С. 121.

1332/2016 указано: «апелляционная инстанция, проверяя законность продления срока содержания под стражей до восьми месяцев, учитывает необходимость выполнения по делу определенного объема следственных и подготовительных действий, связанных с выдачей (экстрадицией) Новоселова другому государству (Республике Азербайджан)» (*курсив наш. – Н.А.*)¹⁰². Не считаем такое утверждение соответствующим российскому уголовно-процессуальному закону. В отношении запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования производятся процессуальные действия, не являющиеся следственными. Однако они направлены против данного лица. А поскольку в основном из них формируется экстрадиционное производство, то и оно направлено против запрашиваемого к выдаче лица. Именно такой вектор экстрадиционного производства был удачно отмечен Н.А. Сафаровым, объяснившем с помощью него необходимость обеспечения процессуальных гарантий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства¹⁰³.

Действительно, в пользу защитной функции запрашиваемого к выдаче говорит многое. Именно для ее осуществления это лицо наделяется соответствующими процессуальными правами, реализация которых позволяет ему выполнять защитительные действия. При этом он отстаивает свои интересы, выражающиеся в стремлении избежать выдачи иностранному государству, а также в стремлении к благоприятным последствиям пребывания его в обозначенном статусе, суть которых не быть ограниченным в правах при применении к нему процедуры выдачи. Данный фактор говорит о заинтересованности запрашиваемого к выдаче лица и дает возможность отнести его к участникам уголовного процесса со стороны защиты, которая, на наш взгляд, продиктована несколькими обстоятельствами. Во-первых,

---

¹⁰² Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 16.06.2016 // Архив Воронежского областного суда. – Дело № 22К-1332/2016.

¹⁰³ См.: Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 184–185.

права каждого человека должны быть защищены. Именно на это ориентируют международно-правовые акты и Конституция РФ. Во-вторых, в ходе процедуры выдачи к лицу применяются меры уголовно-процессуального принуждения, что увеличивает риск нарушения его прав. В-третьих, лицо, являясь иностранцем или лицом без гражданства, подвергается процедуре выдачи со стороны чужого для него государства. Находясь на его территории, такое лицо нередко либо не владеет, либо плохо владеет языком этого государства, с большим трудом ориентируется в законодательстве данного государства и в структурах, способных оказать юридическую помощь. Отсутствие у лица элементарных представлений о правовых актах данной страны делает для него реализацию прав затруднительной. Конечно же, такая ситуация будет способствовать возрастанию риска нарушения прав указанного лица. В-четвертых, права лица, в отношении которого осуществляется процедура выдачи, отнюдь не маловажны. Они, наряду с правами и обязанностями других участников уголовного судопроизводства относятся к основам процессуальной деятельности государственных органов.

После ряда аргументированных рассуждений мы доказали, что запрашиваемый к выдаче является участником уголовного судопроизводства со стороны защиты, поэтому необходимо уточнить его статус.

Очевидно, что государство, инициирующее экстрадицию, такое лицо видит либо в качестве обвиняемого, либо в качестве подозреваемого. А применительно к российскому законодательству подобный подход не просматривается.

В научной литературе некоторые авторы для обозначения данного лица используют термины «подозреваемый», «обвиняемый», объясняя это тем, что такой подход применяется в международных конвенциях и соглашениях, касающихся международного сотрудничества в сфере уголовного

судопроизводства¹⁰⁴.

Полагаем, что запрашиваемого к выдаче должны характеризовать свои специфические основания появления в уголовном судопроизводстве, без которых наделение данного лица соответствующими правами и обязанностями будет невозможным. Выяснение данного вопроса особенно существенно, поскольку момент появления запрашиваемого к выдаче имеет значение для уяснения времени приобретения указанным лицом права на защиту, а значит, и момента, с которого начинается реализация данного права.

К сожалению, УПК РФ не содержит ответа на вопрос о том, когда в качестве процессуальной фигуры появляется запрашиваемый к выдаче. Соответственно, в нем ничего не говорится и об основаниях появления в уголовном судопроизводстве данного лица. Поэтому при их определении важно учитывать международно-правовые нормы, нормы УПК РФ, нормы ведомственных нормативных актов, положения постановления Пленума Верховного Суда РФ. Анализ указанных документов позволяет констатировать то, что основания появления в уголовном судопроизводстве лица, запрашиваемого к выдаче, непосредственно связаны с применением к нему мер уголовно-процессуального принуждения, среди которых самой распространенной является задержание. При этом речь идет не о любом задержании лица, а о задержании в целях возможной выдачи. И хотя такое задержание призвано обеспечивать исполнение запроса о выдаче, оно может предшествовать получению указанного документа компетентными органами Российской Федерации запроса. Аналогичная ситуация может складываться и с заключением под стражу, определяемым в ряде международных документов как арест. Его применение также допустимо при соблюдении определенных условий до поступления запроса о выдаче. Вместе с тем заключение под стражу производится в целях обеспечения исполнения

---

¹⁰⁴ См.: Несмачная Н.В. Указ. соч. – С. 38.

указанного запроса. Возможность взятия лица под стражу до получения требования о выдаче предусматривается статьей 61 Минской конвенции (1993), причем в качестве альтернативы задержанию при таких же обстоятельствах. На нее указывает союз «или» в названии статей 61, 62 Минской конвенции (1993) («Взятие под стражу или задержание до получения требования о выдаче» (ст. 61), «Освобождение лица, задержанного или взятого под стражу» (ст. 62)). Следовательно, кроме задержания, основанием появления запрашиваемого к выдаче лица в уголовном судопроизводстве является заключение его под стражу. Но если запрос о выдаче лица получен от иностранного государства, то возможно избрание и иных мер пресечения в целях обеспечения исполнения указанного запроса. По крайней мере, на это ориентируют ст. 466 УПК РФ и п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

Таким образом, в настоящее время появление в уголовном судопроизводстве запрашиваемого к выдаче является автоматическим последствием таких процессуальных действий, выполняемых в отношении него, как задержание и применение мер пресечения. Данное обстоятельство сближает запрашиваемого к выдаче с подозреваемым, поскольку основания их появления в определенной мере совпадают. К ним относятся протокол задержания и постановление об избрании меры пресечения. Отличие лишь в том, что данные меры уголовно-процессуального принуждения применяются к разным участникам уголовного судопроизводства.

Следующий вопрос для рассмотрения заключается в том, насколько грамотно данные уголовно-процессуальные акты способны фиксировать констатировать появление лица, запрашиваемого к выдаче, в качестве участника процесса.

Появление нового участника уголовного судопроизводства должно

сопровождаться наделением его соответствующими правами для защиты своего законного интереса. И данное обстоятельство в том или ином виде всегда отражается в правоприменительных актах, служащих основанием для появления других участников уголовного процесса (например, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, постановлении о признании потерпевшим, постановлении о признании гражданским истцом, постановлении о допуске законного представителя и др.).

Более того, в таком процессуальном акте подписью участника уголовного судопроизводства удостоверяется факт разъяснения ему предоставленных прав, что вовсе не типично для постановления об избрании меры пресечения, которое содержит лишь разъяснение порядка его обжалования. Это свидетельство того, что основное предназначение данного документа другое.

Несколько иначе дело обстоит с другим документом, вовлекающим запрашиваемое к выдаче в уголовно-процессуальные отношения, связанные с его экстрадицией, – с протоколом задержания. Он содержит информацию о предоставляемых задержанному правах, требует удостоверения факта их разъяснения данному лицу подписью задержанного в этом же документе. Однако ориентирован данный документ не на запрашиваемого к выдаче и его процессуальные возможности, а на подозреваемого и его права. Это связано с тем, что вопросы задержания применительно к лицу, выдача которого запрашивается, не регламентированы действующим законодательством. Но даже при надлежащей адресности протокола задержания данный документ с натяжкой может претендовать на роль процессуального основания для появления участника уголовного судопроизводства, поскольку он не содержит мотивированного вывода о признании лица таковым. На данное обстоятельство применительно к подозреваемому уже обращалось внимание в

научной литературе¹⁰⁵. И не только в ней. В свое время была предпринята попытка, правда, безуспешная, внести на законодательном уровне предложение оформлять постановлением привлечение лица к участию в деле в качестве подозреваемого. Речь идет о статье 41 Теоретической модели УПК РСФСР 1990 г.¹⁰⁶ Однако идея, отвергнутая российским законодателем, прижилась в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых зарубежных стран. В одних странах данный документ является единственным процессуальным основанием для появления подозреваемого (например, в УПК Республики Узбекистан (ст. 360)), в других – он лишь одно из таких оснований наряду с другими процессуальными актами. При этом комбинации существуют разные. Так, согласно ч. 1 ст. 40 УПК Республики Беларусь альтернативой постановлению о признании лица в качестве подозреваемого применительно к рассматриваемому вопросу являются постановление о возбуждении уголовного дела и постановление о применении меры пресечения. А ч. 1 ст. 63 УПК Республики Молдова, перечисляя процессуальные акты, посредством которых лицо может быть признано подозреваемым, наряду с постановлением о признании лица в качестве подозреваемого называет протокол задержания и постановление или определение о применении меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Нужно сказать, что сделанный зарубежным законодательством акцент на соответствующее постановление в процедуре признания лица в качестве подозреваемого в целом согласуется с используемым на правовом уровне общим подходом в вопросе присвоения лицу статуса участника уголовного процесса. Так же, как в отношении остальных участников

---

¹⁰⁵ См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980. – С. 127; Де-нежкин Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1982. – 142 с. и др.

¹⁰⁶ См.: Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / Г.Н. Ветрова, Л.Д. Кокорев, Ю.В. Корневский, А.М. Ларин и др.; под ред. В.М. Савицкого. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990. – 317 с.

(обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и т.д.) должно выноситься соответствующее постановление. Этому принципа придерживается и российский законодатель применительно к участникам, указанным в главе 7 УПК РФ. Незаслуженно исключен из этого списка только подозреваемый. В пользу данного вывода свидетельствует то, что при решении проблемы надления нового лица статусом участника уголовного судопроизводства ученые обращаются к опыту правового регулирования, накопленному в отношении обвиняемого и других, кроме подозреваемого, участников. Действующая применительно к подозреваемому схема вовлечения в уголовное судопроизводство не всеми признается совершенной. Например, П.А. Колмаков, обоснованно предлагая «ввести в уголовное судопроизводство в качестве участника лицо, нуждающееся в применении принудительных мер медицинского характера, рекомендует наделять его правами и обязанностями постановлением о признании лица таковым, а не каким-либо иным документом»¹⁰⁷.

Полагаем, что и статус запрашиваемого к выдаче должен признаваться соответствующим постановлением. Надо сказать, что данная мера предлагается в интересах реализации права на защиту данного лица, поскольку благодаря ей однозначно фиксируются факт появления запрашиваемого к выдаче в уголовном процессе в качестве участника, момент надления его соответствующими правами, включая право на защиту, и начало реализации этого права в уголовном судопроизводстве.

Постановление о признании лица запрашиваемым к выдаче должно объявляться лицу, а его права, которые надлежит перечислять в постановлении, должны ему разъясняться под роспись, которую следует

---

¹⁰⁷ Колмаков П.А. Понятие и основания появления нового участника уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lawmix.ru/comm/5159> (дата обращения: 11.07. 2022).

ставить в нем.

При этом данный документ должен быть единым для всех случаев появления запрашиваемого к выдаче в качестве процессуальной фигуры (и когда запрос о выдаче поступил, и когда только ожидается его поступление в ходе начавшейся экстрадиционной проверки).

Однако вынесение указанного постановления является лишь одним из процессуальных действий, которые должны включаться в производство о выдаче лица для уголовного преследования. Оно, наряду с другими действиями, не должно выполняться ранее того момента, когда у государственных органов и должностных лиц возникнет право на их производство. А этот момент в УПК РФ четко не обозначен. Анализ статьи 466 УПК РФ дает основание считать избрание меры пресечения началом данного вида процессуального производства. Но это не совсем верно, поскольку применение уголовно-процессуального принуждения является уже реализацией необходимых мероприятий по начавшемуся, а, по сути, возбужденному, производству о выдаче. Аналогичную оценку получило среди ученых и практиков применение в отношении подозреваемого задержания до возбуждения уголовного дела. Оно признано недопустимым. В противном случае, считают сторонники указанной точки зрения, такое «лицо получает право на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ»¹⁰⁸.

Сказанное с учетом проведенного сопоставления показывает необходимость связывать начало экстрадиционного производства не с применением задержания и не с избранием меры пресечения, а с другим событием. На наш взгляд, таким может стать вынесение постановления о возбуждении производства о выдаче. Указанное производство должно быть рассчитано на случаи выдачи лица иностранному государству и возбуждаться

---

¹⁰⁸ Научный комментарий практики по уголовным делам: сборник заключений кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2013. – С. 67–68.

только в отношении лица. А значит, и постановление тоже должно выноситься в отношении лица – либо запрашиваемого для уголовного преследования, либо запрашиваемого для исполнения приговора. Статусы этих лиц весьма близки, недаром вопросы, касающиеся и одного, и другого, рассматриваются в одной главе УПК РФ (главе 54). Однако полного тождества не наблюдается, поэтому наше исследование главным образом касается запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

Однако ограничиваться только вынесением постановления о возбуждении производства о выдаче нельзя. Оно должно обязательно сопровождаться уведомлением лица об этом и вручением копии указанного постановления запрашиваемому к выдаче.

Кем должно выноситься такое постановление? Поскольку следующая за вынесением данного постановления проверка в отношении запрашиваемого к выдаче в большей мере является прокурорской, хотя, как верно отмечает А.Е. Косарева не исключено выполнение ее в рамках определенных действий сотрудниками МВД, ФСБ ¹⁰⁹, то и выносить данное постановление, на наш взгляд, должен прокурор. Аналогичный подход использует законодатель по отношению к прокурорской проверке, с которой начинается производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, отводя ей важное место в УПК РФ. Такое производство возбуждается постановлением прокурора, который проводит проверку, завершая ее заключением. Данная схема очень напоминает предложенный ведомственными актами порядок, применяемый для решения вопроса о выдаче лица. И в нем есть место прокурорской проверке, которая завершается составлением заключения, необходимого для принятия Генеральным прокурором РФ решения о выдаче. К сожалению, эта схема не приобрела процессуальной формы, закрепленной законодателем, что

---

¹⁰⁹См.: Косарева А.Е. Экстрадиционная проверка [Электронный ресурс]. – URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1133 (дата обращения: 06.10.2022)). Однако в первую очередь и более всего в этом задействован прокурор

снижает эффективность реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. Ведь оптимальная процедура является важной процессуальной гарантией реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. В этом смысле возбуждение производства о выдаче лица для уголовного преследования, как часть указанной процедуры, способно сделать момент приобретения лицом соответствующего статуса более прозрачным. Кроме того, возбуждение производства о выдаче станет правовой основой для выполнения в отношении лица процессуальных действий, часть из которых будет составлять экстрадиционную проверку.

В целях процессуальной экономии, а также качественной реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче решения о возбуждении производства о выдаче для уголовного преследования и о признании лица запрашиваемым к выдаче должны приниматься не только одновременно, но и, на наш взгляд, содержаться в одном процессуальном акте. Такой документ можно назвать сложным, поскольку в нем затрагиваются разные вопросы. Данное свойство предопределено усложнением самой экстрадиционной процедуры, что, по нашему мнению, является необходимым в силу высокой значимости ее последствий для запрашиваемого к выдаче.

Следует отметить, что идея совмещения в одном документе решения о возбуждении производства и решения о признании лица участником уголовного процесса уже заявлялась ранее в процессуальной литературе. Примечательно, что она касалась не только подозреваемого, но и потерпевшего¹¹⁰. Считаем ее вполне продуктивной, несмотря на критику. Двойственность такой идеи виделась в том, что она допускала совмещение различных процессуальных актов, один из которых дает начало производству,

---

¹¹⁰ См.: Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. – С. 345.

а второй определяет процессуальное положение лица¹¹¹. Но разве подобная практика совмещения не известна действующему законодательству? Обратимся, например, к обвинительному акту – документу, совмещающему акт, завершающий производство по уголовному делу (ст. 225 УПК РФ), и акт, определяющий процессуальное положение лица, а именно обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Кроме того, подобная практика совмещения разных решений в одном процессуальном акте известна не только российскому, но и зарубежному законодательству. Так, согласно ч. 2 ст. 360 УПК Республики Узбекистан в одном постановлении излагаются решения о задержании, возбуждении дела и привлечении лица к участию в деле в качестве подозреваемого. Это правило рассчитано на случаи, когда лицо, подозреваемое в совершении какого-либо преступления, задержано до возбуждения дела и проверка, предусмотренная статьей 225 УПК РУ, подтвердила обоснованность задержания. Отчасти предложенную схему можно, на наш взгляд, применить и в отношении запрашиваемого к выдаче, допуская на законодательном уровне одновременное выполнение возбуждения производства о выдаче лица для уголовного преследования, признания лица в качестве запрашиваемого к выдаче и его задержания. При этом задержание должно оформляться протоколом, адаптированным не к подозреваемому, как это есть сейчас, а к лицу, запрашиваемому к выдаче. Соответственно, на данного участника должно быть ориентировано и название, и содержание протокола задержания. Что касается возбуждения производства о выдаче лица для уголовного преследования и признания лица в качестве запрашиваемого к выдаче, то два этих процессуальных действия целесообразно оформлять одним документом – постановлением о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к

---

¹¹¹ См.: Петрухин И.Л. Задержание // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права Редкол.: А.М.Ларин, И.Л. Петрухин, В.М. Савицкий (отв. ред.), М.М. Славин. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. – С. 56–57; Пантелеев И.А. Указ. соч.– С. 37.

выдаче.

Значение данного акта не исчерпывается только тем, что он четко обозначает начало производства о выдаче лица, за нормативное уточнение которого высказалось большинство опрошенных практических работников (68% прокуроров, 83% судей и 79% адвокатов).

Указанное постановление становится и точкой отсчета процессуальных правоотношений по реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче, поскольку для этого есть все предпосылки. Во-первых, с этого момента лицо приобретает статус участника уголовного судопроизводства, становясь запрашиваемым к выдаче. Именно в отношении данного лица осуществляется вся процедура выдачи, чем ему создается положение ключевого участника экстрадиционных правоотношений. Во-вторых, с момента вынесения постановления о возбуждении производства о выдаче лицо получает реальную возможность защищать свои интересы в российском уголовном судопроизводстве. Кстати, подобной функцией, правда, применительно к подозреваемому, обладает и другой документ, в определенной мере аналогичный рассматриваемому, – постановление о возбуждении уголовного дела. Данный факт уже находил отражение в литературе¹¹².

Правоотношения по реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче, являясь разновидностью экстрадиционных правоотношений, главным образом возникают между традиционными участниками, наделенными властными полномочиями, с одной стороны, и участниками, не обладающими властным ресурсом, с другой. Значит, постановление о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче, являясь точкой отсчета для реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица, одновременно становится таковой и для правоотношений с традиционным составом участников.

---

¹¹² См.: Балакшин В. Подозреваемый вне уголовного процесса... // Законность. – 2016. – № 4. – С. 64.

Однако данными правоотношениями процедура выдачи не исчерпывается. Им предшествуют другие правоотношения, также существующие в сфере выдачи, но складывающиеся между самими государственными органами и должностными лицам, (например, направление Генеральным прокурором РФ поступившего запроса о выдаче нижестоящим прокурорам для исполнения). Они ведут свой отсчет либо с момента поступления запроса о выдаче лица, либо с момента поступления иных обращений, предусмотренных международными договорами (ходатайства о взятии под стражу, поручения об осуществлении розыска). Лишь в одном случае, когда указанные документы отсутствуют, но лицо задерживается потому, что есть предположения, что оно совершило преступление на территории другого государства, все виды процессуальных правоотношений в сфере выдачи (требующие как участия только государственных органов и должностных лиц, так и отношения между этими субъектами и участниками, не обладающими властным ресурсом) возникают одновременно. На сегодняшний день это происходит с момента задержания. Мы же предлагаем другую отправную точку – постановление о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче.

Данный процессуальный акт должен выноситься во всех ситуациях: и когда поступление запроса о выдаче и иных обращений (ст. 60 Минской конвенции (1993)) предшествует задержанию запрашиваемого к выдаче или избранию в отношении него меры пресечения, и когда задержание опережает получение запроса о выдаче (п. п. 1, 2 ст. 61, ст. 61.1 Минской конвенции (1993)). Несомненно, применительно ко второму случаю реализовать данное предложение будет сложнее, но все равно возможно, если учесть, что уголовно-процессуальное задержание, сопровождающееся составлением протокола задержания, начинается позже фактического, а точнее, не позднее 3 часов после доставления лица в орган дознания. Значит, такой разрыв во времени может достигать трех часов (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). Полагаем, что, если

разрешить использовать каналы быстрой связи (телефон, факс и т.д.), а также учесть, что вопросы, связанные с выдачей, решаются прокуратурой не так часто¹¹³, трехчасового интервала, начинающегося с момента доставления лица в орган дознания, будет достаточно для сообщения прокурору о произведенном фактическом задержании лица, а также для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче, объявления его заинтересованному лицу и разъяснения ему прав. В ситуации больших расстояний между правоохранительными органами, имеющих место в некоторых регионах страны, ставящих под угрозу соблюдения процессуальных сроков, полагаем возможным разрешить на нормативном уровне использование электронных документов и систем видеоконференцсвязи.

Таким образом, постановление о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче может быть составлено ранее протокола задержания или одновременно с ним, но не позже. В противном случае признание лица запрашиваемым к выдаче станет следствием применения к нему меры уголовно-процессуального принуждения, что нельзя признать верным. Меры принуждения, как правильно отмечалось в литературе, «должны применяться только после приобретения лицом того или иного процессуального положения и только при тех условиях, которые установлены законом и соответствуют данному правовому статусу»¹¹⁴.

Непосредственное участие прокурора в процедуре возбуждения производства о выдаче, особенно тогда, когда только зарождаются правоотношения с участием запрашиваемого к выдаче лица, весьма важно с

---

¹¹³ Так, за 2015 год прокуратурой Липецкой области проведено 33 экстрадиционных проверки. При этом только в отношении четырех были направлены в Генеральную прокуратуру Российской Федерации материалы с заключениями о возможности выдачи для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления на территории Липецкой области.

¹¹⁴ Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России: учеб. пособие. – Екатеринбург: Издательство Уральского юридического института МВД России, 2001. – С. 29.

точки зрения предотвращения возможных злоупотреблений со стороны сотрудников, причастных к содержанию такого лица под стражей. От подобных злоупотреблений не застраховано ни одно государство, знакомое с экстрадиционной процедурой. Ярким примером этого могут быть издевательства тайландских властей над Виктором Бутом перед его экстрадицией, получившие широкую огласку в мире¹¹⁵. Аналогичные ситуации возникают и в России. Так, А.М. Мукаев, подвергшийся экстрадиционной процедуре, утверждал, что на территории Российской Федерации во время содержания под стражей в отношении него применялись пытки со стороны милиции. Данный факт не получил надлежащей проверки российскими органами власти, но был установлен ЕСПЧ¹¹⁶.

Подобные ситуации свидетельствуют о необходимости непосредственного контроля и участия со стороны прокурора как при возбуждении производства о выдаче, так и при выполнении других процессуальных действий в дальнейшем. Особенно это касается тех из них, что будут выполняться вслед за возбуждением указанного производства, признанием лица в качестве запрашиваемого к выдаче и задержанием. В первую очередь речь идет о получении объяснений у запрашиваемого к выдаче лица.

Надо сказать, что и в настоящее время прокуроры Российской Федерации получают объяснения у задержанных в связи с возможной выдачей. Данное полномочие реализуется и прокурорами Республики Беларусь (ч. 3 ст. 512 УПК Республики Беларусь). Правда, регламентируется оно в первую очередь не ведомственными актами, как в Российской Федерации, а кодифицированным нормативным актом, что выглядит более логичным применительно к процессуальному полномочию субъекта

---

¹¹⁵ URL: <http://www.mk.ru/politics/2010/11/19/545469-supruga-viktora-buta-obvinyaet-tailandskie-vlasti-v-izdevatelstvah-nad-muzhem.html> (дата обращения: 06.08.2022).

¹¹⁶ Мукаев против России: постановление ЕСПЧ от 14.03.2017 (жалоба № 22495/08) // СПС «КонсультантПлюс».

уголовно-процессуальной деятельности.

Завершая исследование в данном параграфе, следует отметить, что отсчет времени нахождения лица в процессуальном статусе запрашиваемого к выдаче должен начинаться с момента вынесения прокурором постановления о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче, а не с момента задержания или заключения под стражу, как это имеет место в настоящем. Именно указанным постановлением лицо должно вовлекаться в уголовный процесс и, в частности, в процедуру выдачи. Это правило должно действовать независимо от того, что послужило поводом для возбуждения производства о выдаче (запрос о выдаче или иной повод). В результате для всех рассматриваемых случаев унифицируются не только процедура присвоения лицу статуса запрашиваемого к выдаче, начало процессуального производства о выдаче, но и начало экстрадиционной проверки. Ведь постановление о возбуждении производства о выдаче предполагается и как официальное решение об экстрадиционной проверке. С учетом сказанного действующее уголовно-процессуальное законодательство требует соответствующей коррекции, которая в первую очередь должна предполагать закрепление в УПК РФ определения понятия запрашиваемого к выдаче лица, учитывающего процессуальное основание его появления в уголовном процессе. Именно понятие и основания появления, как верно отмечает П.А. Колмаков, составляют важнейшую часть содержания и процессуального положения любого участника уголовного судопроизводства¹¹⁷. На наш взгляд, нормативное определение запрашиваемого к выдаче должно базироваться не на идее появления данного участника с момента задержания или избрания меры пресечения. Его фундаментом должна стать необходимость возбуждения производства о

---

¹¹⁷ См.: Колмаков П.А. Указ. соч.

выдаче как процессуального основания появления в уголовном процессе лица, запрашиваемого к выдаче. Формулировка дефиниции должна быть следующей: «запрашиваемым к выдаче признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче».

Вопросы для самоконтроля:

1. Является ли лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования самостоятельным участником уголовного процесса?
2. В чем заключается уголовно-процессуальная функция защиты?
3. Выполняет ли лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования одну из уголовно-процессуальных функций?
4. Чем продиктована необходимость защиты прав и законных интересов запрашиваемого к выдаче?
5. Каковы процессуальные основания появления лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования?

4. Процессуально-правовой статус лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования

Появление в российском уголовном судопроизводстве лица, запрашиваемого к выдаче, означает наступление для него возможности воспользоваться своими правами и тем самым реализовать свое право на защиту.

Реализация права на защиту этого лица осложняется тем, что в УПК РФ отсутствуют не только определение понятия лица, выдача которого запрашивается, оптимальная процедура наделения его соответствующим процессуальным статусом, но и четкий перечень его прав и обязанностей. Между тем, как отмечает Х. З. О. Нагдалиев, экстрадиция ограничена международно-правовыми обязательствами государств в сфере прав человека, и, следовательно, выдающее государство обязано обеспечивать защиту, гарантию и соблюдение прав выдаваемого лица¹¹⁸.

Сказанное требует обращения к обозначенной в литературе проблеме наделения лица, не признанного в установленном порядке участником уголовного судопроизводства, процессуальными правами¹¹⁹. Ее решение должно касаться не только заявителя, залогодателя, лица, под присмотр которого отдан несовершеннолетний, обыскиваемого лица, адвоката этого лица, адвоката свидетеля, на чем настаивают некоторые авторы, но и запрашиваемого к выдаче лица.

В отличие от УПК РФ, УПК некоторых других государств, например, Украины, Республики Беларусь, достаточно подробно регламентируют процессуально-правовой статус лица, выдача которого запрашивается. В

---

¹¹⁸ См.: Нагдалиев Х. З. О. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 10.

¹¹⁹ См.: Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография / под общ. и науч. ред. проф. В.А. Семенцова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 44–45.

частности, УПК Украины права такого лица закрепляет в статье 581, а УПК Республики Беларусь – в отдельной главе (глава 55). Примечательно, что в указанной главе нашлось место нормам, посвященным не только процессуальному статусу лица, задержанного, или того, к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, но и процессуальному статусу его защитника.

К сожалению, в российском уголовно-процессуальном законодательстве права запрашиваемого к выдаче лица не представлены системно, что затрудняет формирование единой картины правового статуса данного участника. Это не может способствовать реализации его права на защиту. Поэтому нужно нормативно закрепить систему прав запрашиваемого к выдаче, с необходимой их детализацией. Последнее обстоятельство особенно важно учитывать еще и потому, что детальная правовая регламентация прав и обязанностей граждан является одним из необходимых условий того, чтобы эти права и обязанности наиболее полно и всесторонне были реализованы¹²⁰. В связи с этим нельзя признать удачной попытку решения указанной проблемы с помощью проекта Федерального закона № 67509-7. Он не рассматривает лицо, запрашиваемое к выдаче, в качестве участника уголовного судопроизводства и, соответственно, не закрепляет его правовой статус отдельной статьей, как это имеет место в отношении официально признанных законодателем участников уголовного судопроизводства. Проект лишь содержит указание на то, что данное лицо при его задержании и решении

---

¹²⁰ См.: Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Указ. соч. – С. 137; Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. – С. 13; Гриненко А.В. Нормативное выражение прав личности в сфере уголовного судопроизводства // Права человека в сфере уголовного судопроизводства: содержание, механизмы защиты и пределы ограничения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сергея Петровича Щербы. – М.: МАЭП. 2013. – С. 98.

вопроса о применении в отношении него меры пресечения, ее изменении, а равно при продлении срока содержания под стражей или под домашним арестом пользуется правами, предусмотренными в этих случаях УПК РФ для подозреваемых и обвиняемых (п. 8 проектной статьи 466). Мало того, что регламентация правового статуса запрашиваемого к выдаче носит схематичный характер, она еще и рассчитана на реализацию права на защиту указанного лица только на одном этапе выдачи – на этапе применения в отношении него мер процессуального принуждения. Но имеют место и другие этапы, на которых также необходимо создание надлежащих механизмов реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче.

В настоящее время вывод о принадлежности тех или иных прав запрашиваемому к выдаче лицу можно сделать, лишь тщательно анализируя нормы, содержащиеся в УПК РФ и международно-правовых документах. И даже в этом случае можно получить весьма обобщенное представление о достаточно сложном правовом статусе данного участника. Представленные на законодательном уровне права запрашиваемого к выдаче лица имеют слишком упрощенный вид, что является одним из недостатков регламентации его правового статуса. А это актуализирует вопрос о детальной регламентации прав данного лица, на что уже обращалось внимание в литературе¹²¹.

Работая в данном направлении, некоторые ученые подготовили свои варианты системы прав лица, запрашиваемого к выдаче. Один из них был предложен А.Е. Косаревой и включал в себя следующие права: «знать, в чем оно обвиняется (подозревается либо за что осуждено) на территории иностранного государства, то есть основания, в связи с которыми лицо было объявлено в международный (межгосударственный) розыск и впоследствии задержано на территории Российской Федерации; пользоваться помощью переводчика; пользоваться помощью защитника, с которым иметь

---

¹²¹ См.: Шурухнова Д.Н. Указ соч.– С. 95.

возможность конфиденциальных бесед без ограничения во времени; давать устные и письменные объяснения; знакомиться с представленными в суд материалами в полном объеме как через защитника, так и непосредственно; лично участвовать в рассмотрении представленных судом материалов; заявлять суду ходатайства и отводы; представлять по существу поданной жалобы дополнительные документы; знакомиться с протоколом судебного заседания и приносить на него замечания; использовать право обжалования, предусмотренное ч. 9 ст. 463 УПК РФ»¹²².

Как видно, автору хотелось охватить представленным перечнем основные, наиболее важные права запрашиваемого к выдаче, что делает данную систему особенно ценной, особенно если учесть, что формулировки этих прав возникли не на пустом месте. Некоторые из них в различных вариантах предусматривает УПК РФ. Это касается права на судебный пересмотр решения о выдаче (ч. 1 ст. 463 УПК РФ); права на обоснование жалобы на решение о выдаче в судебном заседании (ч. 5 ст. 463 УПК РФ); права на апелляционное обжалование постановления судьи (ч. 9 ст. 463 УПК РФ).

Предлагаемое А.Е. Косаревой для включения в процессуальный статус запрашиваемого к выдаче право его личного участия в рассмотрении представленных судом материалов реализуется и сейчас, благодаря предусмотренной ч. 4 ст. 463 УПК РФ норме.

Не упустил из виду законодатель и право запрашиваемого к выдаче обратиться за помощью к защитнику. Статья 463 УПК РФ говорит об участии защитника в судебной процедуре обжалования решения о выдаче лица.

Что же касается права запрашиваемого к выдаче пользоваться услугами переводчика, то оно проистекает из нормы, закрепляющей общее предписание

---

¹²² Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 14.

для всех участников, не владеющих языком судопроизводства (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). Правда, указанная возможность запрашиваемого к выдаче нуждается в нормативном уточнении по следующим соображениям. И ч. 2 ст. 18 УПК РФ, и п. 1 ч. 3 ст. 59 УПК РФ ориентируют правоприменителя на приглашение переводчика не любому лицу, а только участнику уголовного судопроизводства. Однако действующим законодательством запрашиваемое к выдаче лицо к таковым не относится. А значит, в буквальном смысле не может претендовать на помощь переводчика, что само по себе является абсурдным. Отсутствие внятной правовой регламентации участия переводчика на стороне запрашиваемого к выдаче лица не смущает правоприменителя. Как показало исследование, не владеющее или недостаточно владеющее языком уголовного судопроизводства лицо, запрашиваемое к выдаче, практически не остается без переводчика. Вместе с тем соответствующий нормативный материал все-таки нуждается в коррекции.

Однако не только возможность запрашиваемого к выдаче воспользоваться помощью переводчика нуждается в надлежащем закреплении в УПК РФ. Требуют своей систематизации и те права, которые в настоящее время рассредоточены в тексте главы 54 УПК РФ. Это право лица на получение письменного уведомления о решении, принятом в отношении него Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем (ч. 5 ст. 462 УПК РФ); право не подвергаться выдаче в случае обжалования решения (ч. 6 ст. 462 РФ); право на судебный пересмотр решения о выдаче в открытом судебном заседании (ч. 4 ст. 463 РФ); право на разъяснение прав, обязанностей и ответственности как участнику судебного заседания, в ходе которого осуществляется проверка законности и обоснованности решения о выдаче лица (ч. 4 ст. 463 РФ).

Необходимо нормативное закрепление и тех прав, возникновение которых у запрашиваемого к выдаче связано с применением к нему мер уголовно-процессуального принуждения. К сожалению, правам

запрашиваемого к выдаче при задержании законодатель не уделил внимания, в то время как потребность в этом на практике существует. Доказательством тому является интерес к обозначенной проблеме, проявленный Генеральной прокуратурой Российской Федерации в информационном письме, адресованном прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур № 81/4-27606-09 от 20.04.2009 «О порядке документального оформления задержания лиц в целях обеспечения возможности их выдачи в другие государства»¹²³. В нем перечислены основные права лица при задержании (например, получать разъяснения об основаниях задержания; получать копию протокола задержания и др.).

Логичнее было бы разместить названные права в главе 54 УПК РФ, что не только повысило бы их значимость в процессуальном статусе запрашиваемого к выдаче лица, но и способствовало бы завершенности этого статуса, его определенности и прозрачности в первую очередь для обладателя. Данное обстоятельство особенно важно для повышения эффективности реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

В связи со сказанным предлагаем поддержать предложение А.В. Косаревой о введении в главу 54 УПК РФ статьи 460.1. Назвать ее предлагаем «Запрашиваемый к выдаче». Идею введения в УПК РФ такой статьи, посвященной понятию и статусу запрашиваемого к выдаче лица, как это сделано применительно к другим участникам уголовного процесса (подозреваемому, обвиняемому и т.д.), поддержали 67% судей, 62% прокурорских работников и 91% адвокатов.

Следуя логике законодателя в конструировании правовых норм, предусматривающих процессуальный статус участников уголовного

---

¹²³ Далее – информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 81/4-27606-09 от 20.04.2009.

судопроизводства (главным образом содержащихся в главе 7 УПК РФ), отмечаем, что в структуре статьи 460.1 должны найти свое место следующие части: определение понятия запрашиваемого к выдаче; его права; его обязанности¹²⁴. При этом закрепляемые в данной статье права и обязанности запрашиваемого к выдаче должны составить основу его процессуально-правового статуса.

Также при формировании системы прав указанного лица необходимо учитывать общие для всех участников уголовного судопроизводства обстоятельства, влияющие в конечном счете на содержательность и завершенность их процессуального статуса. Среди них: разъяснение лицу его процессуального положения; информирование его о сроках и результатах касающегося его производства; предоставление лицу возможности изложения своего мнения, в том числе путем обращения с ходатайствами и жалобами; создание надлежащих условий для защиты прав и интересов лица.

Кроме того, в создаваемой модели процессуального статуса запрашиваемого к выдаче важно учитывать не только общие для всех заинтересованных участников моменты, но и особенности, характерные только для рассматриваемого лица.

Последние обусловлены сходством запрашиваемого к выдаче с подозреваемым или обвиняемым в части их процессуальных возможностей, а также спецификой сферы их реализации – сферы выдачи лица иностранному государству. При этом важно не упустить из вида, что понятие запрашиваемого к выдаче объединяет две группы лиц: запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования и запрашиваемого к выдаче для исполнения приговора.

Опираясь на действующее международное и национальное

---

¹²⁴ О необходимости закрепления в рамках одной статьи УПК РФ прав участника уголовного судопроизводства и его обязанностей уже говорилось в литературе (См.: Емельянов Д.В. Теория и практика участия подсудимого в судебном разбирательстве уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М, 2009. – С. 9).

законодательство, учитывая положительный зарубежный опыт правового регулирования в рассматриваемой области, беря за основу предложения отдельных ученых, касающиеся вопросов совершенствования процессуального статуса лица, выдача которого запрашивается (в частности, А.Е. Косаревой, предлагающей включить в УПК РФ статью 460-1 «Запрашиваемое лицо»), а также дефиницию понятия «запрашиваемый к выдаче», сформулированную и обоснованную нами в предыдущем параграфе, предлагаем усовершенствованный вариант статьи 460.1 УПК РФ:

«Статья 460.1. Запрашиваемый к выдаче

1. Запрашиваемым к выдаче признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче.

2. Запрашиваемый к выдаче вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время для подготовки к защите.

3. Запрашиваемый к выдаче вправе:

1) знать об обстоятельствах, послуживших основаниями для возбуждения в отношении него процедуры выдачи, задержания, применения к нему меры пресечения, и получать копию постановления о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче, копию протокола задержания, копию постановления о применении к нему меры пресечения;

2) знакомиться с запросом о выдаче или получать его копию;

3) получать копию решения о выдаче;

4) получать разъяснение своих прав на всех этапах выдачи, в которых он участвует;

5) уведомлять через орган дознания, осуществивший задержание, либо через прокурора, суд, применивших меру пресечения в виде заключения под стражу, членов семьи или близких родственников о месте своего содержания под стражей;

- 6) давать объяснения, либо отказываться от дачи объяснений;
- 7) возражать против своей выдачи иностранному государству;
- 8) представлять сведения, препятствующие его выдаче;
- 9) заявлять ходатайства и отводы;
- 10) объясняться на родном языке или языке, которым он владеет;
- 11) пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- 12) при задержании или применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста обсуждать по телефону с родственниками и иными лицами, о которых ходатайствует запрашиваемый к выдаче, вопрос о выборе защитника;
- 13) пользоваться помощью защитника или нескольких защитников с момента, предусмотренного пунктами 1, 2 части первой статьи 460.3 настоящего Кодекса, отказаться от защитника и защищать себя самостоятельно, поменять одного защитника на другого;
- 14) иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, без ограничения их числа и продолжительности;
- 15) знакомиться вместе с защитником со всеми представленными в суд материалами и выписывать из них любые сведения и в любом объеме;
- 16) снимать за свой счет копии с представленных в суд материалов, в том числе с помощью технических средств;
- 17) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих производство по выдаче, и принимать участие в их рассмотрении судом;
- 18) знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания;
- 19) обжаловать определения, постановления суда и получать копии обжалуемых решений;
- 20) отзывать поданную им либо его защитником жалобу;
- 21) защищаться иными средствами и способами, не запрещенными

настоящим Кодексом.

4. Участие в процедуре выдачи лица иностранному государству его защитника или законного представителя запрашиваемого к выдаче не служит основанием для ограничения какого-либо его права.

5. Запрашиваемый к выдаче обязан:

1) своевременно являться по вызовам компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи;

2) исполнять свои обязанности в связи с избранием в отношении него мер пресечения;

3) соблюдать установленный законом порядок производства уголовно-процессуальных действий, судебного заседания и не уклоняться от экстрадиционной проверки и передачи его иностранному государству.

6. При неявке запрашиваемого к выдаче по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут приводу».

Предлагаемая статья включает в себя как процессуальные возможности, которыми запрашиваемый к выдаче обладает в настоящее время (например, получать копию протокола задержания; пользоваться помощью защитника с момента фактического задержания; пользоваться помощью переводчика; приносить жалобы на действия (бездействие) прокурора, других должностных лиц и решения суда и др.), так и права, не нашедшие на сегодняшний день своего закрепления в законе, однако необходимые указанному лицу для защиты своих интересов.

К числу последних относятся, например, право знакомиться с запросом о выдаче или получать его копию; получать разъяснение своих прав на всех этапах выдачи; при домашнем аресте, задержании, или заключении под стражу обсуждать по телефону с родственниками и другими лицами вопрос о выборе защитника; заявлять ходатайства и отводы; знакомиться вместе с защитником со всеми представленными в суд материалами и выписывать из них любые сведения и в любом объеме; снимать за свой счет копии с

представленных в суд материалов, в том числе с помощью технических средств; знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания. Предоставление указанных возможностей лицу, запрашиваемому к выдаче, удовлетворит главным образом его потребность в информации, необходимой для отстаивания собственных интересов, а это позволит и в полной мере реализовать право на защиту. Исследование данной потребности применительно не только к участникам, но и к заинтересованным лицам, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются либо ограничиваются уголовно-процессуальными действиями, позволило С.С. Безрукову сформулировать принцип информирования заинтересованных лиц. Автор предложил закрепить его в ст. 16 УПК РФ. Согласно этому принципу указанные лица должны быть информированы со стороны государственных органов и должностных лиц о ходе и результатах проверки заявления (сообщения) о преступлении, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, пересмотра решений суда первой инстанции в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, а также исполнения приговора¹²⁵. Не отрицая явных достоинств указанной модели, а также учитывая повышенный интерес на европейском уровне к проблеме регламентации права участников уголовного судопроизводства на информирование¹²⁶, нельзя не сказать и о некоторых спорных моментах. Хотя автор и попытался охватить ею все стадии уголовного процесса, у него это не до конца получилось. Не учтены стадии подготовки к судебному заседанию, возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Это приводит к сужению круга лиц, в отношении которых предполагается действие данного принципа, в то время как заинтересованные лица, задействованные на этих стадиях уголовного

---

¹²⁵ См.: Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – С. 391, 395–396, 512–513.

¹²⁶ См.: Сорокина Е.М. Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском Союзе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 25.

процесса, автоматически выпадают из числа тех, на которых данная норма должна распространяться. Аналогичная ситуация складывается и с запрашиваемым к выдаче, поскольку экстрадиционное производство, осуществляемое с его участием, также оказалось вне поля зрения автора. Экстрадиционное производство хоть и не образует самостоятельной стадии уголовного процесса, но связано с уголовным процессом непосредственным образом, будучи предусмотренным УПК РФ, та как запрашиваемый к выдаче не менее других нуждается в информировании о ходе и результатах процедур, осуществляемых в отношении него. Его потребность в этом законодателем частично удовлетворена, однако это никак не учтено при конструировании принципа информирования заинтересованных лиц.

Продолжая разговор о правах запрашиваемого к выдаче, подлежащих закреплению в ст. 460.1 УПК РФ, нельзя не сказать, что некоторыми из них запрашиваемое к выдаче лицо может воспользоваться и сейчас для защиты своих интересов в рамках процедуры выдачи. И это при том, что в законе отсутствует прямое указание на этот счет. Среди таких прав следует назвать право на получение копии решения о выдаче. В ч. 5 ст. 462 УПК РФ речь идет о письменном уведомлении лица о принятом в отношении него решении о выдаче. Верховный Суд РФ, руководствуясь статьей 46 Конституции Российской Федерации, частью 6 статьи 462 УПК РФ, статьей 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, трактует это право как право на получение копии указанного решения¹²⁷.

Возможность запрашиваемого к выдаче, впрочем, как и его защитника, законного представителя, знакомиться со всеми представленными в суд материалами может быть реализована в российском уголовном судопроизводстве также с помощью другого их права – права на заявление

---

¹²⁷ См.: О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановления Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 года № 11 (п. 25) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.

ходатайства. В этой связи авторы одного из комментариев к УПК РФ справедливо отмечают, что судья, исходя из положений ч. 3 ст. 47 УПК РФ, не вправе отказать лицу, а также его защитнику и законному представителю в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с представленными прокуратурой материалами¹²⁸. Полагаем необходимым сделать акцент на то, что ознакомление со всеми представленными в суд материалами должно происходить только в присутствии защитника, особенно если учесть, что «защитник должен быть в курсе всего происходящего по делу, если только оно в какой-либо степени связано с выполняемой им обязанностью по защите прав и законных интересов участника»¹²⁹.

Применительно к лицу, запрашиваемому к выдаче, вариант отдельного от защитника ознакомления должен быть исключен. Ведь запрашиваемые к выдаче, как правило, не могут полноценно осуществлять защиту своих прав и интересов в силу того, что они не имеют представления о сложной нормативной базе экстрадиции, применение которой вызывает затруднение даже у органов, представляющих государство. Более того, как правило, они не владеют языком судопроизводства. Нередко эти люди в государстве выдачи остаются со своими проблемами один на один, не рассчитывая на помощь близких. Поэтому ознакомить запрашиваемое к выдаче лица со всеми представленными в суд материалами должен защитник, который, как верно отмечает С.П. Щерба, способен объяснить смысл каждого процессуального документа, содержание и значение каждого действия, показать, что является главным, а также выслушать и согласовать ходатайства¹³⁰. Однако эта мера

---

¹²⁸ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁹ Зинатуллин З.З. Избранные труды: в 2 т. Т. I. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. – С. 546.

¹³⁰ См.: Щерба С.П. Уголовное судопроизводство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: научная школа профессора Сергея Петровича Щербы. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2008. – С. 191.

может быть эффективной лишь в том случае, когда для участия на стороне запрашиваемого к выдаче привлечен переводчик, осуществляющий качественный перевод. Им может быть тот, кому лицо полностью доверяет, и кто «может свободно и беспрепятственно с ним общаться, достоверно передавать содержание и смысл материалов..., вести обратный перевод»¹³¹. Однако далеко не всегда следователю и дознавателю удастся найти компетентного переводчика, свободно владеющего соответствующим языком. Поэтому проблема качества перевода остается на сегодняшний день актуальной.

Более того, далеко не всегда публичным субъектам удастся обеспечить участие «живого» переводчика¹³². В связи с этим остро встает вопрос о возможности использования в уголовном судопроизводстве электронного переводчика и закреплении этого положения в УПК РФ¹³³.

Полагаем, что с этим предложением можно будет согласиться при условии, что наряду с ним в УПК РФ будет сохранен уже существующий вариант участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Речь идет об участии переводчика из числа физических лиц (ст. ст. 18, 59, 61, 62, 69, 72, 169 УПК РФ и др.). Именно эти две модели участия переводчика в уголовном судопроизводстве помогут в определенной мере решить проблему нереализованности права пользования родным языком, получившую, как верно отмечается в литературе, широкое распространение в

---

¹³¹ Щерба С.П. Уголовное судопроизводство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: научная школа профессора Сергея Петровича Щербы. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 191.

¹³² См.: Мазюк Р.В., Куулар Ю.Ц. Компетентность переводчика и публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: научный журнал. – 2016. – Вып. 3 (11). – С. 24.

¹³³ См.: Родивилина В.А. Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2016. – С. 10, 24.

правоприменительной практике¹³⁴. Тем самым будет улучшена и реализация права на защиту лиц, нуждающихся в переводчике, включая и запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

Сказанное свидетельствует о том, что возможность пользоваться помощью переводчика в экстрадиционном процессе приобретает для запрашиваемого к выдаче и его защитника особо важное значение.

Право запрашиваемого к выдаче получать разъяснение своих прав на всех этапах выдачи также вытекает из содержания действующих нормативных правил. Так, ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязывает государственные органы и должностных лиц разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права и обязанности. И хотя в разделе II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» запрашиваемый к выдаче не упоминается, он по своей сути именно участником и является, а значит, и располагает возможностью получать разъяснение своих прав. Кроме того, отдельные виды разъяснения специально оговариваются в УПК РФ (разъяснение прав в судебном заседании, рассматривающем жалобу лица на решение о выдаче), а также в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 81/4-27606-09 от 20.04.2009 (разъяснение об основаниях задержания, разъяснение о возможности заявлять о препятствиях к выдаче, предусмотренных соответствующими международными договорами Российской Федерации и ст. 464 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Почти все предлагаемые для закрепления в ст. 460.1 УПК РФ права запрашиваемого к выдаче обязательны к появлению с момента приобретения

---

¹³⁴ См.: Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. – Челябинск: Цицера, 2013. – С. 129; Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Отражение проблем реализации уголовной политики в судебных решениях по уголовным делам // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Саратов: Кубик, 2015. – С. 248; Архипова Е.А. Историческая роль переводчиков в Нюрнбергском процессе // Прокуратура и следствие в странах СНГ. – 2017. – № 2. – С. 60 и др.

им процессуального статуса.

Однако среди предлагаемых к закреплению в ст. 460.1 УПК РФ прав есть и такие, которые возникают ранее обозначенных моментов. Так, право пользоваться помощью защитника наступает с момента фактического задержания. С этого же момента в идеале должен приглашаться и переводчик. Ведь согласно ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый арестованный немедленно уведомляется понятным ему языком об основаниях его ареста и о любом обвинении против него. С момента фактического задержания лицу должно быть предоставлено также право обсуждать по телефону с родственниками вопрос о выборе защитника, как это предлагает делать Х.Г. Дациева в отношении подозреваемого¹³⁵. На наш взгляд, следует разрешить лицу обсуждать указанный вопрос не только с родственниками, но и с иными лицами, о которых ходатайствует лицо, запрашиваемое к выдаче. Иные лица должны отвечать тем же критериям, что и лица, приглашающие защитника подозреваемому и обвиняемому в соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ: находиться в доверительных отношениях с запрашиваемым к выдаче, действовать в его интересах и быть способными пригласить защитника запрашиваемому к выдаче с его согласия или по его поручению¹³⁶.

Предоставление запрашиваемому к выдаче права на обсуждение вопроса о выборе защитника по телефону с родственниками, на наш взгляд, должно иметь место не только при задержании, но и при применении к нему заключения под стражу или домашнего ареста. Только в этом случае можно

---

¹³⁵ См.: Дациева Х.Г. К вопросу обеспечения прав и законных интересов лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Идеиные и нравственные начала уголовного процесса: материалы международной научно-практической конференции. – М.: МАЭП, 2009. – С. 325.

¹³⁶ См.: Научный комментарий практики по уголовным делам: сборник заключений кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2013. – С. 27–28.

говорить о полноценной реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

Однако если к лицу, в отношении которого пришел запрос о выдаче, применяется мера пресечения, не связанная с лишением свободы (например, подписка о невыезде), то право воспользоваться помощью защитника и переводчика должно возникать с момента приобретения им полного процессуального статуса на основании предлагаемого нами постановления о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче.

В настоящее время право пользоваться помощью защитника у запрашиваемого к выдаче, впрочем, как и у подозреваемого, наступает с момента фактического задержания. Буквальное толкование п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ позволяет приравнивать данный момент к моменту физического захвата и доставления в органы. Такая интерпретация взята на вооружение некоторыми иностранными государствами. Так, представленный Киргизией в Комитет ООН против пыток в апреле 2012 г. Второй доклад об исполнении Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных, унижающих достоинство лица видов обращения или наказания за период 1999–2011 годов (CAT/C/KGZ/2) содержит положение о том, что с момента фактического лишения свободы лицу предоставляется возможность иметь защитника¹³⁷.

В российском законодательстве, к сожалению, отсутствует надлежащий механизм реализации права пользоваться помощью защитника в период, начинающийся с момента физического захвата и длящийся до составления протокола задержания.

Вместе с тем для лица это является важным обстоятельством: общение с приглашенным защитником до того, как у лица будут получены объяснения,

---

¹³⁷ См.: Гайратбек Салиев против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 17.04.2014 (жалоба № 39093/13) (п. 12) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 7(07). – С. 40–61.

позволит ему подготовиться к ним с психологической точки зрения, затруднит применение незаконных методов ведения экстрадиционного производства, то есть позволит лицу реально воспользоваться правом на защиту реально.

Зачастую же задержанного никто не предупреждает о наличии у него права пользоваться помощью защитника в момент фактического задержания, и уж тем более никто защитника для него не приглашает в соответствии со ст. 49 УПК РФ, хотя именно в этот момент, как верно отмечает И.С. Трубчик, лицу должно быть разъяснено право иметь защитника¹³⁸. То есть задержание происходит кулуарно, без участия защитника¹³⁹. Тем самым становится проблематичным обеспечение задержанного квалифицированной защитой в момент фактического задержания. А если исходить из отождествления фактического задержания с физическим захватом и доставлением в органы, то возможность реализовать право на защиту у лица нередко возникает позже – с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю¹⁴⁰.

Чем обусловлена такая ситуация? В основном теми же причинами, что и в случае с задержанием подозреваемого. Во-первых, если даже при захвате лица предупредить его о возможности воспользоваться помощью защитника, то необходимо время для того, чтобы связаться с последним. Возможно, понадобится немало времени, поскольку защитник может быть занят в другом процессе, быть на лечении или на отдыхе и т.д. Но даже если удалось найти защитника, последнему требуется время для того, чтобы добраться к доверителю. Как видно, в силу объективных причин реализовать право на помощь защитника с момента фактического задержания отнюдь не просто.

---

¹³⁸ См.: Трубчик И.С. Особенности соблюдения прав подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2016 г.; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – С. 191.

¹³⁹ См.: Григорян В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления / под ред. В.М. Корнукова. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2012. – С. 111.

¹⁴⁰ См.: Трубчик И.С. Указ. соч. – С. 191.

А вот разъяснить право воспользоваться помощью защитника лицу, оказавшемуся в такой ситуации, ничто не мешает. Именно такой выход видят А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский¹⁴¹, а также В.Ю. Мельников¹⁴². Интересная практика разъяснения прав задержанного существует в США. Если ею воспользоваться, то у запрашиваемого к выдаче появится возможность воспользоваться правом на защиту реально. В связи с этим заслуживает пристального внимания рекомендация В.Л. Григоряна включить в УПК РФ правило о вручении задержанному в момент фактического задержания под роспись карточки (памятки) задержания с разъяснением прав¹⁴³. Думается, что в этот момент должны разъясняться не все процессуальные права, которые он имеет как участник уголовного судопроизводства (подозреваемый или запрашиваемый к выдаче), а лишь те, которые возникают у него как у лица в момент фактического задержания. В их числе, как справедливо отмечает В.Г. Овчинников, право пользоваться помощью защитника, право знать, за какое преступление лицо задержано, право хранить молчание¹⁴⁴. Полностью комплекс процессуальных прав, на наш взгляд, должен появиться у лица с приобретением статуса участника уголовного судопроизводства в момент вынесения постановления, в котором должен содержаться мотивированный вывод о признании лица таковым. Если для подозреваемого таким документом может стать постановление о признании подозреваемым, как о том говорится в литературе¹⁴⁵, то для запрашиваемого к выдаче лица – постановление о

---

¹⁴¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 165.

¹⁴² См.: Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 37.

¹⁴³ См.: Григорян В.Л. Указ. соч. – С. 109–110.

¹⁴⁴ См.: Овчинников В.Г. Необходимо ли внедрить «Правило Миранды» в российский уголовный процесс // Современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: теоретические и практические аспекты: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. в форме круглого стола ФГБОУВПО «РАП». Центральный филиал. – Воронеж, 2012. – С. 183.

¹⁴⁵ См.: Руднев В.И. Указ. соч. – С. 135.

возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче.

Кроме того, во вручаемой задержанному карточке разъяснение прав должно быть переведено на язык, которым владеет данное лицо. Данное обстоятельство особенно важно учитывать в отношении лица, выдача которого запрашивается, поскольку часто оно не знает или плохо знает язык судопроизводства. Отсутствие указанного перевода существенно затруднит для запрашиваемого к выдаче реализацию права пользоваться помощью защитника с момента фактического задержания.

Во-вторых, недостаточная определенность содержания момента фактического задержания (главным образом пунктом 15 ст. 5 УПК РФ) вызвала, по справедливому мнению А.М. Баранова и С.В. Супруна, резкие расхождения во взглядах участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты. В результате следователи склонны считать началом фактического задержания момент доставления лица в соответствующий правоохранительный орган¹⁴⁶. Некоторые следователи и вовсе относят это начало к моменту составления протокола задержания по правилам ст. 91 УПК РФ¹⁴⁷. Участники со стороны защиты предпочитают связывать начало фактического задержания с моментом лишения лица свободы передвижения. В некоторых жалобах, с которыми обращаются в ЕСПЧ лица, подвергшиеся данной мере уголовно-процессуального принуждения, эта тенденция хорошо просматривается. В них ставится проблема необходимости фиксации времени захвата в протоколе задержания. Так, одна из заявительниц по делу «Сидиковы

---

¹⁴⁶ Данная позиция получила уточнение в работах О.И. Цоколовой, полагающей, что «момент фактического задержания следует связывать с доставлением к следователю, дознавателю или в орган дознания, если он принимает решение о задержании» (см.: Цоколова О.И. Фактическое задержание // Законность. – 2006. – № 3. – С. 25; Цоколова О.И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7. – С. 1441).

¹⁴⁷ См.: Баранов А., Супрун С. Момент фактического задержания подозреваемого // Вестник ОГУ. – 2006. – № 3/март. – С. 31.

против России», к которой содержание под стражей применялось с целью ее выдачи в Таджикистан, сообщила в жалобе, что сотрудники ФСБ заставили ее сесть в машину и отвезли в Московское управление ФСБ, где она находилась с 9:30 утра до 19:30 вечера. В протоколе задержания в качестве времени задержания было указано время составления протокола (19.30). Соответственно, период с 9:30 утра до 19:30 вечера не нашел своего отражения в протоколе, то есть не был никем признан. Это дает основание заявительнице считать задержание произвольным и нарушающим пункт 1 статьи 5 Конвенции¹⁴⁸.

В другом случае (по делу «Александр Соколов против России») ЕСПЧ обнаружил, что протокол задержания был составлен, но дата, время и место задержания заявителя, указанные в нем, отличались от фактической даты, времени и места его задержания. Так, 19.02.2004 заявитель был доставлен в отделение милиции, и лишь 20.02.2004 составили протокол его задержания. Содержание заявителя под стражей в ночь с 19 на 20 февраля в помещении отделения милиции не было запротоколировано или зафиксировано в какой-либо процессуальной форме. ЕСПЧ посчитал, что нарушены требования ст. 5 Конвенции о надлежащем оформлении случаев лишения свободы¹⁴⁹.

В-третьих, содержащиеся в уголовно-процессуальных нормах оговорки относительно допуска защитника с момента фактического задержания сводят на нет его участие с момента физического лишения лица свободы передвижения. К их числу, как верно обратили внимание А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, относится содержащаяся в п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ оговорка относительно случаев, в которых защитник допускается с момента

---

¹⁴⁸ См., например: Сидиковы против России: постановление Европейского Суда по правам человека от 20.06.2013 (жалоба № 73455/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 6.

¹⁴⁹ См.: Александр Соколов против России: постановление Европейского Суда по правам человека от 04.11.2010 (по жалобе № 20364/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 1.

фактического задержания лица.

Поэтому в большинстве случаев, как показывает практика, возможность воспользоваться помощью защитника, впрочем, как и все остальные процессуальные права, возникают у лица с момента уголовно-процессуального задержания, то есть с момента составления протокола. Недаром в бланке протокола задержания есть место не только для подписей должностного лица, осуществляющего задержание, и задержанного, но и для подписи защитника. Случаи более позднего допуска защитника к задержанному также встречаются в практике. Однако в любом случае это происходит до истечения суток после момента «физического лишения подозреваемого свободы передвижения»¹⁵⁰.

Даже с введением в УПК РФ статьи 460.1 процессуально-правовой статус запрашиваемого к выдаче остается незавершенным, поскольку входящие в его состав процессуальные гарантии также нуждаются в основательной доработке, которая должна вестись прежде всего на уровне кодифицированного акта. Так, необходима определенная работа по совершенствованию правовой регламентации участия на стороне запрашиваемого к выдаче защитника и законного представителя. Она видится не только в коррекции уже существующих уголовно-процессуальных норм, но и во введении в УПК РФ новых статей. Предусматривая в законе право запрашиваемого к выдаче пользоваться помощью защитника и законного представителя, необходимо позаботиться о надлежащей регламентации процессуальных полномочий этих участников, ибо такие полномочия необходимы им для осуществления защиты интересов запрашиваемого к выдаче. Несмотря на масштабность данного мероприятия, определенные шаги должны быть связаны: 1) с предоставлением на законодательном уровне возможности запрашиваемому к выдаче приглашать для оказания

---

¹⁵⁰ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 165.

юридической помощи защитника не только из числа адвокатов – граждан Российской Федерации, но и адвокатов – граждан других государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации; 2) с расширением сферы обязательного участия защитника вследствие некоторых случаев его участия на стороне запрашиваемого к выдаче; 3) со сосредоточением в отдельной статье УПК РФ всех полномочий защитника запрашиваемого к выдаче; 4) со сосредоточением в отдельной статье УПК РФ всех полномочий законного представителя запрашиваемого к выдаче.

Предоставление на законодательном уровне возможности лицу, выдача которого запрашивается, приглашать для оказания юридической помощи защитника не только из числа адвокатов – граждан Российской Федерации, но и адвокатов – граждан других государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации уже обосновывалось в литературе. В этой части уместными выглядят замечания Д.Н. Шурухновой относительно того, что помощь со стороны адвокатов – граждан других государств для запрашиваемого лица может быть более ощутимой, поскольку они знают язык, культуру и законодательство страны, запрашивающей лицо¹⁵¹.

Но и российский законодатель также следует в этом направлении. В частности, ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» говорит о том, что «адвокаты иностранного государства могут оказывать юридическую помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства». Разумеется, для этого они должны зарегистрироваться в специальном реестре.

Рассматривая необходимость расширения сферы обязательного участия защитника за счет случаев, в которых фигурирует запрашиваемый к выдаче, необходимо сказать, что предпосылки к этому уже заложены в актах

---

¹⁵¹ См.: Шурухнова Д.Н. Указ. соч. – 121–123.

судебного толкования. К примеру, п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11 предусматривает, что «при избрании (продлении) меры пресечения, рассмотрении жалобы на решение о выдаче судам следует иметь в виду случаи обязательного участия переводчика и защитника, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации». В этом же пункте говорится о том, что «если лицо в отношении которого был направлен запрос о выдаче, скрылось, то жалоба на решение о выдаче рассматривается без его участия, но с обязательным участием защитника». Подобные правила должны содержаться в тексте УПК РФ. Для решения указанной проблемы необходимо внести изменения в ст. 51 УПК РФ, дополнив перечень лиц, обладающих правом на обязательное участие защитника, за счет запрашиваемого к выдаче. Данный участник должен быть указан наряду с подозреваемым, обвиняемым в пунктах 1, 2, 3, 4. Тем самым на законодательном уровне будет предоставлена возможность обязательного участия защитника в случае, если запрашиваемый к выдаче не отказался от защитника, или является несовершеннолетним, или не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту в силу физических либо психических недостатков, или не владеет языком, на котором ведется производство о выдаче. Для этого в ст. 51 УПК РФ необходимо также добавить указание на вид производства, в котором запрашиваемый к выдаче пользуется правом на обязательное участие защитника. С этой целью предлагается ввести в ст. 51 УПК РФ пункт 4.1 следующего содержания: «запрашиваемый к выдаче не владеет языком, на котором ведется производство о выдаче». Таким образом, будет расширен не только перечень участников уголовного судопроизводства, обладающих правом обязательного участия защитника на их стороне. Расширится круг производств, в которых будет участвовать защитник. Данное обстоятельство целесообразно отразить не только в ст. 51 УПК РФ, но и в предлагаемом нами к введению п. 3.2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, а также в ч.ч. 1, 3 ст. 52 УПК РФ. Пункт 3.2 ст. 51 УПК РФ должен содержать

предложение: «судебное заседание проводится в порядке, предусмотренном ч. 4.1 ст. 463 УПК РФ». В свою очередь в ч. 4.1 ст. 463 УПК РФ необходимо предусмотреть возможность рассмотрения проверки законности и обоснованности решения о выдаче в судебном заседании без участия запрашиваемого к выдаче лица на случай, если оно скрылось. Содержание данного пункта видится следующим: «В случае, если запрашиваемый к выдаче скрылся, судебное заседание может проводиться в его отсутствие».

А часть 1 ст. 52 УПК РФ «Отказ от защитника», рассчитанную на подозреваемого и обвиняемого, необходимо распространить и на запрашиваемого к выдаче.

Что же касается части 3 ст. 52 УПК РФ, то ее необходимо дополнить следующим предложением, которое должно следовать за первым предложением этой части: «Отказ от защитника не лишает запрашиваемого к выдаче права в дальнейшем ходатайствовать о допуске защитника к участию в производстве о выдаче».

Указанные изменения подчеркнут, что уголовное судопроизводство включает в себя не только производство по уголовному делу о преступлении в различных его формах, но и производство о выдаче лица иностранному государству, в котором фигурируют материалы проверки. Именно на это ориентирует п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 г. № 11, согласно которому «вопросы, не урегулированные главой 54 УПК РФ, возникающие в ходе рассмотрения *материалов о выдаче*, подлежат разрешению на основании общих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹⁵² (*курсив наш. – Н.А.*). На практике относительно запрашиваемого к выдаче собираются материалы, необходимые для вынесения решения о выдаче, иными словами, материалы прокурорской

---

¹⁵² См., например: О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.

проверки. Уголовное дело не формируется. Данное обстоятельство должно учитываться в уголовно-процессуальных нормах, несмотря на то, что производство о выдаче встречается реже производства по уголовному делу и в действительности направлено на уголовное преследование лица, хотя и осуществляемое запрашивающим государством. В противном случае теряется смысл в главе 54 УПК РФ как составляющей указанного кодифицированного закона.

В связи с этим представляется спорным применение законодателем в ч. 4 ст. 463 УПК РФ термина «уголовное дело» применительно к производству о выдаче. Запрашиваемый к выдаче и его защитник участвуют не в уголовном деле, а в производстве о выдаче. Вместе с тем они являются участниками уголовного процесса, несмотря на то, что производство, в которое они вовлечены, не вполне вписывается в традиционное представление уголовного процесса как деятельности органа дознания, следователя, прокурора и суда по возбуждению, расследованию и разрешению уголовного дела. Указанные процессуальные стадии не характерны для производства о выдаче, впрочем, как и для других видов международного сотрудничества. Видимо, по этой причине дефиниции уголовного процесса, сформулированные в литературе, так же, как и нормативное понятие уголовного судопроизводства, не охватывают деятельность в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, включая процедуру выдачи. Это приводит к тому, что нередко многие проблемы, касающиеся не только подозреваемого и обвиняемого, но и запрашиваемого к выдаче, рассматриваются без учета существования последнего в российском уголовном судопроизводстве. Так, пробелы в правовом статусе субъектов уголовно-процессуального права исследуются применительно к традиционному субъектному составу, представленному разделом II УПК РФ, минуя запрашиваемое к выдаче

лицо¹⁵³. Аналогичный подход используется и при рассмотрении проблем классификации международно-правовых стандартов принятия решений о заключении под стражу. Невзирая на то, что заключение под стражу согласно международным договорам применяется не только к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, но и к лицу, запрашиваемому к выдаче, в классификации международных стандартов принятия решений о заключении под стражу, представленной А.О. Зайцевым и ориентированной главным образом на подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, данное обстоятельство не нашло отражения¹⁵⁴.

А.А. Дмитриева называет международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства дифференцированной формой уголовного судопроизводства наряду с особым порядком принятия судебного решения, рассмотрением дела с участием присяжных заседателей, рассмотрением дел о преступлениях несовершеннолетних¹⁵⁵. С.В. Зуев и К.И. Сутягин именуют сотрудничество в сфере выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора «особым производством, заключающимся в правоотношениях и деятельности участников уголовного процесса»¹⁵⁶. А.Е. Косарева формулирует убедительный вывод о том, что «выдача – это совокупность уголовно-процессуальных действий и решений компетентных органов запрашиваемого государства»¹⁵⁷.

---

¹⁵³ См.: Овчинникова Н.О. Пробелы в правовом статусе субъектов уголовно-процессуального права и пробелы производств // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Саратов: Кубик, 2015. – С. 138–141.

¹⁵⁴ См.: Зайцев А.О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 15–16, 93–107.

¹⁵⁵ См.: Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – С. 335.

¹⁵⁶ Зуев С.В., Сутягин К.И. Уголовный процесс: учебник. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – С. 546.

¹⁵⁷ Косарева А.Е. Понятие, значение, происхождение и юридическая основа выдачи лица по уголовным делам [Электронный ресурс]. – URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1129 (дата обращения: 3.09.2022).

Изложенное выше дает основание поднять проблему полноты имеющихся доктринальных определений уголовного процесса. Вызывает сожаление тот факт, что они обращены только к деятельности органа дознания, следователя, прокурора, суда по возбуждению, расследованию, разрешению уголовного дела и не учитывают деятельность в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Такие определения несущественно отличаются от тех формулировок, которые использовались на советском этапе уголовного судопроизводства¹⁵⁸. Но тогда это было вполне оправданно, потому что в УПК РСФСР практически ничего не говорилось о международном сотрудничестве в соответствующей сфере. Данным вопросам не было посвящено ни отдельных глав, ни отдельного раздела, как в УПК РФ. С принятием УПК РФ ситуация изменилась, в нем появилась часть пятая, регламентирующая международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Однако данное обстоятельство, фактически никак не повлияло на дефиниции уголовного процесса. Вместе с тем они, на наш взгляд, должны охватывать деятельность в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, предусмотренную частью пятой УПК РФ, поскольку она носит уголовно-процессуальный характер.

Беря за основу дефиниции уголовного процесса, сформулированные другими авторами¹⁵⁹, постараемся сконструировать определение, учитывающее все виды уголовно-процессуальной деятельности, включая и международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Итак,

---

¹⁵⁸ Например, это касается дефиниций, сформулированных в ряде учебников по уголовному процессу советского периода (См.: Алексеев Н.С., Лукашевич В.З., Элькин П.С. Уголовный процесс. – М., 1972. – С. 10; Советский уголовный процесс / под ред. проф. Д.С. Карева. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – С. 9 и др.)

¹⁵⁹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М., ЮристЪ, 2003. – С. 19; Янович Е.Ю. Уголовный процесс: курс лекций [Электронный ресурс]. – URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/00/17/22/00172290.a4.pdf> (дата обращения: 4.09.2022).

уголовный процесс – это направленная на выполнение задач уголовного судопроизводства и осуществляемая в установленном законом порядке деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя и других участников уголовного процесса при возбуждении, расследовании, рассмотрении, разрешении уголовных дел, исполнении приговора, при апелляционном, кассационном и надзорном обжаловании, возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, а также при реализации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Следующее направление совершенствования процессуальных гарантий, являющихся компонентом процессуально-правового статуса запрашиваемого к выдаче, связано с необходимостью сосредоточения в отдельной статье УПК РФ всех полномочий защитника, отстаивающего интересы данного лица.

Необходимость такого шага, на наш взгляд, как и сосредоточение в отдельной статье УПК РФ полномочий законного представителя данного лица, объясняется особенностями производства о выдаче. Оно, являясь прокурорской проверкой и будучи рассчитанным на специфический круг лиц, существенно отличается от производства по уголовному делу. Центральной фигурой производства о выдаче становится не подозреваемый и обвиняемый, а запрашиваемый к выдаче, поэтому существующих в УПК РФ статей, предусматривающих полномочия защитника и законного представителя по уголовному делу, явно недостаточно. Должны быть также и статьи, аналогичные упомянутым, но учитывающие специфику производства о выдаче, включая и особенности его субъектного состава. По этому пути идут уголовно-процессуальные кодексы некоторых зарубежных государств, предусматривающие отдельную статью с полномочиями защитника лица, запрашиваемого к выдаче (например, УПК Республики Беларусь (ст. 509)). Кроме того, если обратиться к структуре и содержанию УПК РФ, в нем также наблюдается учёт особенностей субъектного состава в зависимости от

уголовно-процессуальной формы. Но, правда, он касается только производств по уголовному делу, хотя и особых. Так, глава 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» содержит отдельные статьи, посвященные участию законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого (ст. ст. 426, 429 УПК РФ) с описанием принадлежащих ему прав. А глава 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера» включает в себя не только статью об участии законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (ст. 437 УПК РФ), но и статью об участии его защитника (ст. 438 УПК РФ). Примечательно, что упомянутые производства относятся к числу особых. А статус особого производства некоторыми авторами, как было показано выше, примеряется и к выдаче лица.

Таким образом, включением в главу 54 УПК РФ отдельных статей, предусматривающих полномочия защитника и законного представителя запрашиваемого к выдаче, в УПК РФ не будет существенно нарушена логика изложения нормативного материала.

Одной из таких статей могла бы быть статья 460.3 УПК РФ «Участие защитника», предусматривающая моменты допуска защитника, участвующего на стороне лица, запрашиваемого к выдаче, полномочия такого защитника, обязанность компетентных органов пригласить другого защитника в случае невозможности явки защитника, приглашенного запрашиваемым к выдаче лицом. Статья 460.3 УПК РФ должна также содержать сведения о том, кто может быть защитником запрашиваемого к выдаче лица, и обязанности компетентных органов пригласить другого защитника в случае невозможности явки защитника, приглашенного запрашиваемым к выдаче лицом, и выглядеть следующим образом:

«Статья 460.3 Участие защитника

1. В производстве о применении к лицу процедуры выдачи защитник

участвует:

1) с момента фактического задержания этого лица, в случаях:

а) предусмотренных статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;

б) применения к нему в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса меры пресечения в виде заключения под стражу;

2) с момента вынесения постановления о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче в случаях избрания в отношении лица иных мер пресечения.

Обязательное участие защитника в производстве о применении к лицу процедуры выдачи осуществляется в соответствии со статьей 51 настоящего Кодекса.

2. Защитником запрашиваемого к выдаче является адвокат – гражданин Российской Федерации либо гражданин другого государства в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

3. Защитник запрашиваемого к выдаче имеет право:

1) знать об обстоятельствах, послуживших основанием для применения к его подзащитному процедуры выдачи, задержания, применения меры пресечения, включая сведения о его обвинении, подозрении компетентными органами и должностными лицами иностранного государства (иностранных государств);

2) беспрепятственно общаться со своим подзащитным наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед;

3) знакомиться с постановлением прокурора о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче, протоколом задержания его подзащитного либо с постановлением о применении к нему меры пресечения, решением о выдаче его подзащитного иностранному государству;

4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре

выдачи, включая суд. Участвовать в рассмотрении жалоб судом, в том числе жалоб на заключение его под стражу, продление срока содержания под стражей, а также обжаловать принятые по ним решения;

5) высказывать в судебном заседании мнения по вопросам, разрешаемым судом;

6) требовать внесения в протокол судебного заседания записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены;

7) по поручению подзащитного отзывать поданную им жалобу.

4. Защитник запрашиваемого к выдаче обязан своевременно являться по вызовам компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи; при невозможности явки – в течение 24 часов уведомить об этом указанных должностных лиц. При отсутствии возможности явки защитника по вызовам компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи, запрашиваемый к выдаче или этот орган в установленном порядке приглашают другого защитника».

Кроме того, защитник лица, запрашиваемого к выдаче, должен быть отмечен и среди участников уголовного судопроизводства, что не только уточнит его статус, но и придаст нормам, регламентирующим участие защитника, определённую согласованность. В связи с этим полагаем необходимым упомянуть о нём в ст. 49 УПК РФ «Защитник», например, в части первой, сделав при этом ссылку на ст. 460.3 УПК РФ «Участие защитника». Аналогичный подход, на наш взгляд, должен быть применен и к защитнику лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также к защитнику лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. При этом в последнем случае требует решения проблема согласованности между предлагаемой частью первой и действующим пунктом 6 части 3 статьи 49 УПК РФ, ориентированных на защитника лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, с одной стороны, и частью 1.1. статьи

144 УПК РФ, в которой говорится не о защитнике, а об адвокате данного лица, с другой стороны. В силу близости процессуальных ролей подозреваемого и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, применительно к последнему следует говорить именно о защитнике, а не об адвокате, как на том настаивают некоторые авторы, предлагающие исключить из ст. 49 УПК РФ пункт 6¹⁶⁰. Полагаем, данный пункт должен остаться, а вот начало части 3 ст. 49 УПК РФ нуждается в коррекции: слова «в уголовном деле» поменять на слова «в уголовном судопроизводстве». Тем самым будет расширена область участия защитника в уголовно-процессуальных отношениях. Он будет задействован не только в уголовных делах.

С учетом сказанного часть первая ст. 49 УПК РФ видится следующей: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Защитником является также лицо, осуществляющее защиту прав и интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, а также лица, выдача которого запрашивается, и оказывающее им юридическую помощь. Защита указанных лиц осуществляется в порядке, установленном соответственно статьями 438 и 460.3 УПК РФ».

В соответствующих изменениях нуждаются и нормы, относящиеся к законному представителю, в частности, если учитывать, что выдача несовершеннолетнего не исключается, если запрашиваемым государством принимается положительное решение по запросу, поступившему в отношении такого лица. В первую очередь это следует из содержания п. h ст.

---

¹⁶⁰ См.: Терехов М.Ю., Ерохина О.С., Миронов В.В. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина при проверке сообщения о преступлении // Закон и право. – 2016. – № 4. – С. 97.

4 Типового договора о выдаче, согласно которому недостижение лицом совершеннолетия по закону запрашиваемого государства не является императивным основанием для отказа в выдаче. Что же касается УПК РФ, то он никоим образом не относит указанное обстоятельство к каким-либо основаниям, позволяющим отказать в выдаче.

Правда, авторы проекта Федерального закона № 67509-7 предлагают частично изменить смысл положения, содержащегося в п. h ст. 4 Типового договора о выдаче и допускающего отказ в выдаче в связи с ее несовместимостью по соображениям гуманности ввиду возраста, состояния здоровья и других личных обстоятельств этого лица. В указанном законопроекте к числу императивных оснований отказа в выдаче отнесено несовершеннолетие лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, с оговоркой о том, что выдача такого лица должна быть несовместимой с мерами защиты прав и интересов несовершеннолетних или перевоспитания (п. 10 ч. 1 проектной статьи 464), в то время как другие возрастные особенности и личные обстоятельства лица, о которых также говорится в п. h ст. 4 Типового договора о выдаче (преклонный возраст, состояние здоровья), включены в перечень факультативных оснований отказа в выдаче (п. 5 ч. 2 проектной статьи 464). Полагаем, что такой подход не отвечает критерию справедливости, поскольку допускает неравенство между несовершеннолетними и лицами преклонного возраста там, где его не должно быть.

Впрочем, сделанный авторами законопроекта акцент на несовершеннолетие запрашиваемого к выдаче в определенной мере понятен. Практика выдачи несовершеннолетних для уголовного преследования в Российской Федерации минимизирована. В ходе изучения материалов о выдаче, судебных решений, вынесенных по жалобам запрашиваемых к выдаче и их защитников, нам не удалось выявить ни одного случая выдачи несовершеннолетних. Причины такого положения разные. Одной из них

является отсутствие или, в крайнем случае, единичность обращений иностранных государств с запросом о выдаче несовершеннолетнего для уголовного преследования. И этот факт обоснован. Несмотря на то что преступность несовершеннолетних является распространенным явлением, она имеет достаточно высокую латентность¹⁶¹. Кроме того, несовершеннолетние реже, чем взрослые, склонны скрываться от уголовного преследования за границей в силу отсутствия у них не только соответствующего опыта, но и необходимых средств, надлежащих знакомств и связей для этого. Вместе с тем возможность выдачи иностранному государству несовершеннолетних должна быть сохранена, но уголовно-процессуальные гарантии такой выдачи должны быть усилены.

В связи с этим необходимо скорректировать содержание пункта 12 ст. 5 УПК РФ, статьи 48 УПК РФ, включить в УПК РФ статью 460.2 «Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче» следующего содержания:

«Статья 460.2. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче

1. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче, допущенный в этом качестве к участию в производстве о выдаче, имеет право:

1) знать об обстоятельствах, послуживших основанием для применения к представляемому им лицу процедуры выдачи, задержания, применения меры пресечения, включая сведения о его обвинении, подозрении компетентными органами и должностными лицами иностранного государства (иностранных государств), знакомиться с запросом о его выдаче и получать его копию;

---

¹⁶¹ См.: Дмитриева А.А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве: монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук., проф. А.Ю. Епихина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 160.

2) знать о вызовах представляемого им лица в компетентные органы и к должностным лицам, задействованным в процедуре выдачи, и сопровождать его;

4) давать пояснения;

5) заявлять ходатайства;

6) пользоваться родным языком или услугами переводчика;

7) знакомиться с постановлением прокурора о возбуждении производства о выдаче и признании лица, запрашиваемым к выдаче; протоколом задержания представляемого им лица либо с постановлением о применении к нему меры пресечения, решением о выдаче иностранному государству представляемого им лица;

8) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи, включая суд. Участвовать в рассмотрении жалоб судом, в том числе жалоб на заключение его под стражу, продление срока содержания под стражей, а также обжаловать принятые по ним решения;

9) высказывать в судебном заседании мнения по вопросам, разрешаемым судом;

10) требовать внесения в протокол судебного заседания записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены;

11) отзываться поданную им жалобу;

12) приглашать для представляемого им лица защитника.

2. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, обязан:

1) представлять органу, осуществляющему процедуру выдачи, документы, подтверждающие его полномочия как законного представителя;

2) своевременно являться по вызовам компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи. При невозможности явки обязательно уведомить об этом указанных должностных лиц;

3) не совершать каких-либо действий против интересов представляемого им лица, в том числе не отказываться от имени представляемого им лица от защитника».

Коррекция пункта 12 ст. 5 УПК РФ предполагает расширение перечня участников, на стороне которых действует законный представитель, за счет несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче. Учитывая мнение других авторов по вопросу совершенствования такого перечня, касающееся включения в него близких родственников лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера¹⁶², можно предложить следующий вариант нормы, предусмотренной пунктом 12 ст. 5 УПК РФ: «законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, лица, запрашиваемого к выдаче, либо лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, представители учреждений и организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, запрашиваемый к выдаче либо лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, органы опеки и попечительства».

Надо отметить, что предложенная нами коррекция ст. 5 УПК РФ не решает полностью проблемы совершенствования правовой регламентации участия несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве, в том числе и в качестве запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования. Необходимо согласиться с мнением Е.В. Марковичевой о дополнении статьи 5 УПК РФ пунктом 20.1, раскрывающим термин «несовершеннолетний»¹⁶³.

---

¹⁶² См.: Насонова И.А. Указ. соч. – С. 383.

¹⁶³ См.: Марковичева Е.В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики: монография. – Орел: Орловский государственный университет, 2011. – С. 205.

Под несовершеннолетним, как верно отмечает С.П. Щерба, следует понимать любое лицо в возрасте до 18 лет¹⁶⁴.

Все указанные изменения диктуют необходимость реформирования содержания статьи 48 УПК РФ «Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого». Полагаем, что оптимальный вариант этой статьи должен содержать не только указание на возможность участия на стороне несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, запрашиваемого к выдаче лица, но и порядок допуска законного представителя для такого участия. Предлагаем следующую редакцию ст. 48 УПК РФ:

«Статья 48. Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче, и лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера

1. По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле допускаются их законные представители в порядке, установленном статьями 426 и 428 настоящего Кодекса.

2. К обязательному участию в уголовном деле допускаются законные представители несовершеннолетних потерпевшего, частного обвинителя и гражданского истца в порядке, установленном статьями 45 и 191 настоящего Кодекса.

3. К обязательному участию в производстве о применении

---

¹⁶⁴ См.: Щерба С.П. Право несовершеннолетнего подсудимого на конфиденциальное судебное разбирательство уголовного дела // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 294.

принудительных мер медицинского характера допускаются их законные представители в порядке, установленном статьей 437 настоящего Кодекса.

4. К обязательному участию на стороне несовершеннолетнего лица, в отношении которого применяется процедура выдачи, допускаются его законные представители в порядке, установленном статьями 460.2 настоящего Кодекса.

5. Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца и лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, допускаются к участию в деле постановлением следователя, дознавателя, суда. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче, допускается к участию в деле постановлением прокурора».

Конкретизировать права и обязанности законного представителя несовершеннолетнего, попавшего под экстрадиционную процедуру, целесообразно в отдельной статье, посвященной участию этого лица, которую следует разместить в главе 54 УПК РФ «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора». Такой статьей может быть статья 460.2 «Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче».

Полагаем, что реализация предложенных мер будет способствовать позиционированию законного представителя несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства; более четкому закреплению за ним функции защиты; большей определенности в процессуальном статусе данного лица; предоставлению ему необходимого объема процессуальных возможностей для выполнения своего назначения в уголовном судопроизводстве; возложению на него оптимальных обязанностей, сбалансированных с его правами и вписывающихся в контекст выполнения указанным лицом роли

участника уголовного судопроизводства. А главное, предлагаемые нововведения позволят превратить экстрадиционное производство в реально действующий инструмент защиты указанных лиц.

Вопросы для самоконтроля:

1. Страдает ли регламентация процессуально-правового статуса запрашиваемого к выдаче недостатками? При положительном ответе на вопрос раскройте указанные недостатки.
2. В каких направлениях следует вести преобразование процессуально-правового статуса запрашиваемого к выдаче?
3. Необходима ли оптимизация гарантий процессуальных возможностей запрашиваемого к выдаче связана с закреплением в УПК РФ?
4. Какие статьи УПК РФ следует скорректировать с целью усиления защищенности лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение права на защиту лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче для уголовного преследования, позволяет сформулировать следующие основные выводы и наиболее значимые предложения:

1. Структура реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования представлена следующими составляющими: субъектами реализации, объектом реализации, средствами реализации и способами реализации.

2. Объектом реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования является право на защиту запрашиваемого к выдаче лица, структура которого может быть представлена в двух ракурсах:

по субъектам, реализующим право на защиту запрашиваемого к выдаче. По данному критерию указанная структура включает: права запрашиваемого к выдаче лица, предоставленные ему для личной защиты; полномочия его защитника, предоставленные ему для защиты запрашиваемого к выдаче лица; полномочия законного представителя запрашиваемого к выдаче лица, предоставленные ему для защиты этого лица;

по этапам экстрадиционного процесса, на которых участвует запрашиваемое к выдаче лицо. Указанный признак позволяет различать в объекте реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования: право на защиту при применении к нему уголовно-процессуального принуждения, право на защиту в ходе принятия решения о выдаче, право на защиту при обжаловании решения о выдаче, право на защиту при фактической передаче лица.

3. Субъекты реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче, делятся на следующие группы: субъекты, обязанные обеспечить реализацию права на защиту запрашиваемого к выдаче лица (государственные органы и должностные лица, прежде всего прокуроры и судьи); лица, имеющие

право участвовать в реализации собственных возможностей, формирующих их право на защиту (запрашиваемые к выдаче лица); лица, обязанные участвовать в реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица (защитники, законные представители).

4. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования – это осуществление запрашиваемым к выдаче для уголовного преследования, его защитником, законным представителем, соответствующими государственными органами и должностными лицами предусмотренных законом возможностей, составляющих содержание права на защиту запрашиваемого к выдаче лица путем совершения правомерных действий, вынесения решения и бездействия в ходе применения в отношении данного лица экстрадиционной процедуры, находящих свое отражение в уголовно-процессуальных актах.

5. Особенности реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования: протекает в рамках экстрадиционных отношений, подчиненных процедурным требованиям, предусмотренным главой 54 УПК РФ; осуществляется в интересах носителя этого права – запрашиваемого к выдаче лица; служит сбалансированию публично-правовых и частных интересов в рамках экстрадиционного производства; происходит в форме правомерных действий и в форме правомерного бездействия; совершается нередко с участием переводчика на стороне запрашиваемого к выдаче лица; опирается на сложную правовую базу (международные договоры, российское законодательство, зарубежное законодательство).

6. По этапам процесса выдачи, на которых участвует запрашиваемое к выдаче лицо, различают следующие виды реализации его права на защиту: реализация при применении к нему уголовно-процессуального принуждения; реализация в ходе принятия решения о выдаче; реализация при обжаловании решения о выдаче; реализация при его фактической передаче.

7. К средствам реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования относятся: правовые нормы, направленные на осуществление прав запрашиваемого к выдаче лица; юридические факты; процедуры и другие гарантии.

8. Способы реализации права на защиту лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования, – это предусмотренные нормами права, обеспеченные гарантиями действия и решения участников экстрадиционных отношений, существующие в определенных процедурных условиях и отражаемые в уголовно-процессуальных актах, а также воздержание от действий, направленные на предотвращение возможности незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования.

9. Способы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования классифицируются по следующим критериям: 1) по субъектам, применяющим указанные способы (используемые участниками, не обладающими властным ресурсом, и применяемые государственными органами и должностными лицами); 2) по обязательности их применения в ходе процедуры выдачи (обязательные и необязательные к применению); 3) по содержанию (уведомительно-разъяснительные; ознакомительные; выражающие позицию запрашиваемого лица, его защитника и законного представителя в ходе дачи объяснений, заявления ходатайств и обжалования; направленные на участие защитника в реализационном процессе); 4) по степени активности (активные и пассивные); 5) по нормативному источнику, предусматривающему указанные способы (основанные на действиях, регламентированных международными договорами; основанные на действиях, регламентированных УПК РФ; основанные на действиях, регламентированных ведомственными нормативными актами); обусловленные действиями, регламентированными с разной степенью тщательности и международными договорами, и УПК РФ, и ведом-

ственными нормативными актами; 6) по характеру поведения субъектов реализации права на защиту в экстрадиционном процессе (ориентированные на соблюдение установленных предписаний; ориентированные на использование возможностей, охватываемых правом на защиту запрашиваемого к выдаче лица; ориентированные на исполнение обязанностей; ориентированные на правоприменение); 7) по видам реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования (используемые при применении к лицу уголовно-процессуального принуждения; используемые в ходе принятия решения о выдаче; используемые при обжаловании решения о выдаче; используемые при фактической передаче лица).

10. Запрашиваемый к выдаче является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, заинтересованным в исходе экстрадиционной процедуры и выполняющим уголовно-процессуальную функцию защиты в силу следующих причин: он наделяется соответствующими процессуальными правами; он отстаивает свои интересы, выражающиеся в стремлении избежать выдачи иностранному государству, а также в стремлении иметь благоприятные последствия пребывания его в обозначенном статусе, суть которых не быть ограниченным в правах при применении к нему процедуры выдачи; против него ведется экстрадиционное производство, что порождает потребность в защите.

11. Основными направлениями решения проблемы совершенствования процессуальных оснований появления запрашиваемого к выдаче в уголовном судопроизводстве должны стать: адаптация процедуры задержания к лицу, запрашиваемому к выдаче, путем соответствующей коррекции названия и содержания протокола задержания; надлежащее процессуальное оформление возбуждения экстрадиционного производства, сопровождающееся расширением системы процессуальных документов за счет сложного процессуального документа, составляемого прокурором, постановления о возбуждении производства о выдаче и признании лица запрашиваемым к выдаче, которое должно стать единственным процессуальным основанием появления в уголовном судопроизводстве запрашиваемого к выдаче лица; оформление задержания не

ранее возбуждения производства о выдаче лица для уголовного преследования и признания лица запрашиваемым к выдаче.

Данные направления должны быть учтены при моделировании статьи 462.1 УПК РФ «Возбуждение производства о выдаче лица» и статьи 465.1 УПК РФ «Задержание для обеспечения возможной выдачи лица».

12. Совершенствование прав и обязанностей запрашиваемого к выдаче связано:

– с принятием мер по упорядочиванию закрепленных в различных нормативных источниках прав и обязанностей запрашиваемого к выдаче с целью создания единой согласованной системы на уровне кодифицированного акта – УПК РФ. К ним относится закрепление в УПК РФ отдельной статьей определения понятия лица, выдача которого запрашивается, его основных прав и обязанностей;

– с коррекцией процессуальных возможностей запрашиваемого к выдаче, обусловленной адаптацией отдельных уголовно-процессуальных институтов к экстрадиционному производству (в первую очередь прав, возникающих у лица при задержании);

– с распространением на запрашиваемого к выдаче процессуальных возможностей, доступных другим участникам уголовного судопроизводства, заинтересованным в исходе дела (получать разъяснение о его процессуальном положении; быть информированным о сроках и результатах осуществляемого в отношении него производства; излагать свое мнение, в том числе путем обращения с ходатайствами и жалобами; знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания; знакомиться вместе с защитником или отдельно от него со всеми представленными в суд материалами и выписывать из них любые сведения и в любом объеме);

– с закреплением новых процессуальных возможностей запрашиваемого к выдаче, учитывающих специфику его назначения в уголовном судопро-

изводстве (знакомиться с запросом о выдаче или получать его копию; приглашать для оказания юридической помощи защитника не только из числа адвокатов – граждан Российской Федерации, но и адвокатов – граждан других государств).

Указанные направления должны быть учтены при моделировании статьи 460.1 «Запрашиваемый к выдаче», предлагаемой для введения в главу 54 УПК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1.07.2020) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия»: принята на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию 18 – 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bangkok_declaration.shtml (дата обращения: 03.08.2022).

3. Европейская конвенция о выдаче: принята 13 декабря 1957 года в Париже (с изм. от 20.09.2012) // Собр. законодательства РФ. – 05.06.2000. – № 23. – Ст. 2348.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 24.06.2013) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.espch.ru/content/view/52/> (дата обращения: 03.08.2022).

5. Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Минске 22.01.1993 (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994 (с изм. от 28.03.1997) // Собр. законодательства РФ. – 24.04.1995. – № 17. – Ст. 1472.

6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Кишиневе 07.10.2002 // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 2002. – № 2(41). – С. 82–130.

7. Протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года: подписан в г. Москве 28.03.1997 (Протокол ратифицирован Федеральным законом от 08.10.2000 № 124-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. – 28.01.2008. – № 4. – Ст. 224.

8. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985: приняты Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант-Плюс».

9. Типовой договор о выдаче: резолюция 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года (принята на 68-м пленарном заседании 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/14062> (дата обращения: 3.08.2022).

10. Соглашение о взаимодействии Министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью от 24 апреля 1992 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id (дата обращения: 08.05.2022).

11. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Казахстан от 9 января 1993 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url> или 09_01_1993_kazakhstan.doc (дата обращения: 8.05.2022).

12. Договор между Российской Федерацией и Республикой Ангола о выдаче от 31 октября 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902015541> (дата обращения: 27.07.2022).

13. Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче от 14 января 2002 г. (Ратифицирован Федеральным законом РФ от 4 июля 2003 года № 99-ФЗ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901873577> (дата обращения: 27.07.2022).

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21.11.2022 // Собр. законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собр. законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.07.2022) [Электронный ресурс]. – URL: http://continentonline.com/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 01.04.2022).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.07.2021 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9900295#load_text_none_1 (дата обращения: 04.04.2022).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1.01.2023 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://kodeksykz.com/ka/ugolovno-protssessualnyj_kodeks.htm (дата обращения: 12.04.2022).

19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2022) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?R (дата обращения: 11.04.2022).

20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.06.2022) [Электронный ресурс]. – URL: <http://fmc.uz/legisl.php?id> (дата обращения: 10.04.2022).

21. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1.01.2023) [Электронный ресурс]. – URL: <http://online.zakon.kz/Document/?do> (дата обращения: 10.04.2022).

22. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собр. законодательства РФ. – 10.06.2002. – № 23. – Ст. 2102.

23. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 №3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – Ст. 900.

24. О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней: федеральный закон от 25.10.1999 № 190-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 25.10.1999. – № 43. – Ст. 5129.

25. О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Договора между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой о выдаче: постановление Правительства РФ от 10.04.2015 № 336 // Собр. законодательства РФ. – 20.04.2015. – № 16. – Ст. 2396.

26. О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора: указание Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2018 г. № 116/35 [Электронный ресурс]. – URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/116-35.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).

27. О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения: указание Генеральной прокуратуры РФ от 18 октября 2008 г. № 212/35 (в ред. Приказа Генпрокуратуры РФ от 22.04.2011 № 104) // СПС «КонсультантПлюс». – Утратило силу.

28. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста: проект Федерального закона №900722-6 (внесен депутатами Государственной Думы И.Е. Костуновым, Л.К. Шойгу, Н.Д. Ковалевым, Т.Н. Москальковой) // СПС «КонсультантПлюс».

29. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования процедуры выдачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора): проект Федерального закона № 67509-7, подготовленный Минюстом России (внесен в ГД ФС РФ 29.12.2016 Правительством РФ, принят в первом чтении 16.06.2017) [Электронный ресурс]. — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29> (дата обращения: 28.07.2022).

30. Заключение Правового управления по проекту федерального закона № 67509-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования процедуры выдачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора)», внесенному Правительством Российской Федерации (первое чтение) [Электронный ресурс]. — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29> (дата обращения: 28.07.2022).

31. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592. – Утратил силу.

Судебные акты

32. Акрам Каримов против России: постановление ЕСПЧ от 28.05.2014 (жалоба № 62892/12) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 2(152).

33. Ананьев и другие против России: пилотное постановление ЕСПЧ от 10.01. 2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2012. – № 8. – С. 96–152.

34. Александр Соколов против России: постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 (жалоба № 20364/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 1.

35. Гайратбек Салиев против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 17.04. 2014 (жалоба № 39093/13) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 7(07). – С. 40–61.

36. Евгений Богданов против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 26.02.2015 (жалоба № 22405/04) // Российская хроника Европейского Суда. – 2015. – № 3.

37. Калинин против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 19.02.2015 (жалоба № 54749/12) [Электронный ресурс]. – URL: <http://pan-dia.ru/text/80/030/30657.php> (дата обращения: 03.05.2022) .

38. Касымахунов против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 14.11.2013 (жалоба № 29604/12) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 11(149)).

39. Мукаев против России: постановление ЕСПЧ от 14.03.2017 (жалоба № 22495/08) // СПС «КонсультантПлюс».

40. Насруллоев против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 11.10.2007 г. (жалоба № 656/06) // Российская хроника Европейского Суда. – 2008. – № 3.

41. Низомхон Джураев против России: постановление ЕСПЧ от 03.10.2013 (жалоба №31890/11) // Российская хроника Европейского Суда. – 2014. – № 2.

42. Рахмонов против России: постановление ЕСПЧ от 16 октября 2012 г. (жалоба № 50031/11) // Российская хроника Европейского Суда. – 2015. – № 2.
43. Сидиковы против России: постановление Европейского Суда по правам человека от 20.06.2013 (жалоба № 73455/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 6.
44. Хлоев против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 05.02.2015 (жалоба № 46404/13) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 6(18).
45. Холмуродов против России: постановление ЕСПЧ от 01.03.2016 (жалоба №58923/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2017. – № 5(179).
46. Эрмаков против России: постановление ЕСПЧ от 07.11.2013 (жалоба № 43165/10) // Российская хроника Европейского Суда. – 2014. – № 3.
47. О. Пичугина против Республики Беларусь: сообщение № 1592/2007. Соображения приняты Комитетом 17 июля 2013 года // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 05.02.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://img.rg.ru/pril/article/93/64/75/Obzor-2013.pdf> (дата обращения: 29.07.2022).
48. О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 года № 11 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.
49. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.
50. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 2.
51. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9. – С. 10–14.
52. О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2013 г. №141-П13С // СПС «КонсультантПлюс».
53. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2014 г. (дело № 5-АПУ 14-57) [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/urtWLMRtm0YH/> (дата обращения: 27.07.2022).

54. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 февраля 2009 г. № 9-О09-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 7.

55. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ №5-О13-31СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – №2. – С. 42.

56. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24.12.2015 (дело № 57-АПУ15-16) [Электронный ресурс]. – URL: <http://legalacts.ru> (дата обращения: 27.07.2022).

57. Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 10.05.2017 (дело № 22К-1104/2017) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 29.07.2022).

58. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.01.2017 (дело 10-1027/17) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?r> (дата обращения: 29.07. 2022).

59. Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 20.03.2017 (дело № 22К-451/2017) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 29.07.2022).

60. Апелляционное постановление Калужского областного суда от 15.06.2017 (дело № 22К-843/2017) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?r> (дата обращения: 29.07. 2022).

61. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 29 октября 2015 года по делу 22-2233/2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 27.07.2022).

62. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 19.04.2017 (дело № 22К-811/2017) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 29.07.2022).

63. Апелляционное постановление Томского областного суда от 17.03.2017 (дело №22К-572/2017) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 03.08.2022).

64. Постановление Верховного Суда Республики Ингушетия от 31.01.2017 (дело 3/12-2/2017 // <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 31.07.2022).

65. Постановление Карачевского районного суда Брянской области об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Б. от 13 февраля 2009 г. // Сборник методических материалов и нормативных актов по вопросам экстрадиции. – Брянск: Прокуратура Брянской области, 2009. – С. 60–61.

66. Постановление судьи Волгоградского областного суда от 23.11.2015 (дело № 15-51/2015) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravjmnxuxlu3.onion.rtp/court> (дата обращения: 27.07.2022).

67. Постановление судьи Кулундинского районного суда Алтайского края от 20.12.2016 (дело №№ 3/2-33/2016) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 03.08.2022).

68. Постановление Челябинского областного суда от 17 ноября 2016 года (дело № 10-5457/2016) // Обобщение судебной практики за четвертый квартал 2016 года: утв. Постановлением президиума Челябинского областного суда от 22.03.2017 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cheloblsud.ru/upload/file/reviews/general/reviews_2016_04.htm (дата обращения: 27.07.2022).

Монографии, учебники, учебные пособия, справочники, словари

69. Александров, А.С. Участники уголовного судопроизводства // Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.

70. Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980. – 252 с.

71. Алексеев, Н.С. Уголовный процесс / Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич, П.С. Элькинд. – М.: Юрид. лит., 1972. – 584 с.

72. Баева, Т.А. Заключение под стражу лиц, подлежащих экстрадиции: учебное пособие / Т.А. Баева. – Белгород, 2006. – 68 с.

73. Баранов, В.М. Презумпция истинности приговора: монография / В.М. Баранов, М.П. Поляков, О.Н. Сычева. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 300 с.

74. Баранов, П.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан: монография / П.П. Баранов, И.А. Жуков, В.В. Захаренков, В.П. Сальников. – Ростов н/Д.: РЮИ МВД РФ, 2005. – 358 с.

75. Бастрыкин, А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / А.И. Бастрыкин. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 135 с.

76. Беляев, И. Д. Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев; предисл. А. Д. Каплина; / отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 896 с.

77. Булатов, Б.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б.Б. Булатов, А.М. Баранов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – 623 с.

78. Булатов, Б.Б. Меры пресечения в уголовном процессе: учебное пособие / Б.Б. Булатов, В.В. Николук, О.И. Цоколова. – Меры пресечения в уголовном процессе. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – 90 с.

79. Валеев, Р.М. Выдача преступников в современном международном праве: некоторые вопросы теории и практики / Р.М. Валеев; науч. ред. Д.И. Фельдман. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 126 с.

80. Власова Н.А. Уголовно-процессуальное право: учебное пособие / Н.А. Власова.– М.: МГИУ, 2006. – 157 с.

81. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография / под общ. и науч. ред. проф. В.А. Семенцова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
82. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. – М.: Юрид. лит., 1972. – 258 с.
83. Энциклопедия / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Фолиант, 2013. – 452 с.
84. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – М.: ЮрИнфоР, 1999. – 542 с.
85. Григорян, В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления / В.Л. Григорян; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2012. – 144 с.
86. Данько, И.В. Международная правовая помощь по уголовным делам: лекция / И.В. Данько, Ю.П. Шкаплеров. – Минск: Академия МВД, 2011. – 47 с.
87. Даровских, О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография / О.И. Даровских. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 152 с.
88. Денежкин, Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Б.А. Денежкин. – Саратов: Саратовский гос ун-т, 1982. – 142 с.
89. Дмитриева, А.А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве: монография / А.А. Дмитриева; под науч. ред. д-ра юрид. наук., проф. А.Ю. Епихина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 176 с.
90. Зинатуллин, З.З. Избранные труды: в 2 т. / З.З. Зинатуллин. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. – Т.1. – 608 с.
91. Зуев, С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 563 с.
92. Козубенко, Ю.В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема: монография / Ю.В. Козубенко. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ 2013. – 373 с.
93. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 9-е изд., перераб. // СПС «КонсультантПлюс», 2014.
94. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 1124 с.
95. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – 1008 с.
96. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

97. Лазарева, В.А. Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 322 с.
98. Марковичева, Е.В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики: монография / Е.В. Марковичева. – Орел: Орловский государственный университет, 2011. – 424 с.
99. Муратова Н.Д. Правореализационная модель процессуальных актов адвокатов в уголовном судопроизводстве: монография / Н.Д. Муратова. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2010. – 218 с.
100. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Велби, Проспект, 2006. – 640 с.
101. Насонова, И.А. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования / И.А. Насонова. – Воронеж: ВЭПИ, 2002. – 148 с.
102. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014 // СПС «Консультант-Плюс».
103. Научный комментарий практики по уголовным делам: сборник заключений кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2013. – 240 с.
104. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2008. – 1181 с.
105. Пантелеев, И. А. Подозрение в уголовном процессе России: учеб. пособие / И.А. Пантелеев. – Екатеринбург: Издательство Уральского юридического института МВД России, 2001. – 48 с.
106. Панько, К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография / К.К. Панько. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 272 с.
107. Петрухин, И.Л. Вам нужен адвокат... / И.Л. Петрухин. – М.: Прогресс, 1993. – 464 с.
108. Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / подг. текста Д. С. Лихачева; перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — [Изд. 1-е]. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 404 с.
109. Проблемы кодификации уголовно-процессуального права / редкол.: А.М. Ларин, И.Л. Петрухин, В.М. Савицкий (отв. ред.), М.М. Славин. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. – 130 с.
110. Синенко, С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография / С.А. Синенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. – 352 с.

111. Синюков, В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 496 с.
112. Советский уголовный процесс / под ред. проф. Д.С. Карева. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 416 с.
113. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 704 с.
114. Стройкова, А.С. Проблемные аспекты обеспечения прав обвиняемого на предварительном следствии / А.С. Стройкова. – Краснодар: изд-во Солодовникова А.Н., 2012. – 116 с.
115. Татьянанин, Д.В. Международные принципы в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / Д.В. Татьянанин; под ред. Т.В. Решетневой. – Ижевск: Jus est, 2014. – С. 44.
116. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: теоретическая модель / Г.Н. Ветрова, Л.Д. Кокорев, Ю.В. Кореневский, А.М. Ларин, [и др.] под ред. В.М. Савицкий. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990. – 317 с.
117. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: ЮристЪ, 2003. – 797 с.
118. Участие органов прокуратуры Российской Федерации в международном сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам: сб. методич. материалов / под общ. ред. Генерального прокурора Российской Федерации действительного государственного советника юстиции, заслуженного юриста Российской Федерации Ю.Я. Чайки. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2011. – 441 с.
119. Челпанов, В.Г. Учебник логики / В.Г. Челпанов. – М.: Научная Библиотека, 2010. – 128 с.
120. Щерба, С.П. Уголовное судопроизводство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: научная школа профессора Сергея Петровича Щербы / С.П. Щерба. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 774 с.
121. Шинкевич, Д.В. Экстрадиция в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Д.В. Шинкевич. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2008. – 80 с.
122. Янович, Е.Ю. Уголовный процесс: курс лекций [Электронный ресурс] – URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/00/17/22/00172290.a4.pdf> (дата обращения: 04.09.2022).

Статьи и научные публикации

123. Алиев, Т.Т. Понятие и содержание осуществления субъективного права и исполнения юридической обязанности в гражданских правоотношениях / Т.Т. Алиев // Российская юстиция. – 2016. – №1. – С. 7–9.

124. Авхадеев, В.Р. Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?i> (дата обращения: 11.07. 2022).
125. Архипова, Е.А. Историческая роль переводчиков в Нюрнбергском процессе / Е.А. Архипова // Прокуратура и следствие в странах СНГ. – 2017. – № 2. – С. 57–60.
126. Балакшин, В. Подозреваемый вне уголовного процесса... / В. Балакшин // Законность. – 2016. – № 4. – С. 62–65.
127. Баранов, А. Момент фактического задержания подозреваемого / А. Баранов, С. Супрун // Вестник ОГУ. – 2006. – № 3. – С. 31–34.
128. Бастрыкин, А.И. Актуальные проблемы взаимодействия национального и международного права: лекция в Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации 6 октября 2015 г. (окончание) / А.И. Бастрыкин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 1. – С. 3–10.
129. Баренбойм, П. Экстрадиция без защиты / П. Баренбойм // Право и экономика. – 2013. – № 7. – С. 63–67.
130. Бахта, А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография / А.С. Бахта. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт, 2010. – 376 с.
131. Безруков, А.В. Конституционно-правовые основы обеспечения правопорядка органами прокуратуры в России / А.В. Безруков // Российская юстиция. – 2016. – № 1. – С. 2–4.
132. Богачевская, Е. А. Совершенствование регламентации международного сотрудничества / Е.А. Богачевская, Д.С. Новиков // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1 (34). – С. 107–113.
133. Быкова, Е.В. Экстрадиция: есть ли альтернатива временному аресту? / Е.В. Быкова // Российский судья. – 2011. – № 7. – С. 28–30.
134. Буфетова, М.Ш. проблемы реализации права на защиту в современном уголовном судопроизводстве / М.Ш. Буфетова // ГлаголЪ правосудия. – 2016. – № 2(12). – С. 56–59.
135. Варламов, Н.А. Некоторые проблемные вопросы экстрадиции / Н.А. Варламов // Законность и правопорядок: сборник научно-практических статей. – Выпуск 1 (11). – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2015. – С. 20.
136. Вениаминов, А.Г. Вопросы заключения под стражу лиц, подлежащих экстрадиции / А.Г. Вениаминов, Н.С. Грудинин, Д.В. Грязнова // Nauka-rastudent.ru. – 2015. – № 09 (21) [Электронный ресурс] – URL: <http://nauka-rastudent.ru/21/2874/> (дата обращения: 09.04.2022).

137. Вениаминов, А.Г. Некоторые вопросы защиты по делам об экстрадиции [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?a> (дата обращения: 11. 07.2022).

138. Вершинина, С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ / С. И. Вершинина // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 115–125.

139. Выскуб, В.С. Проблемные вопросы отказа в выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора / В.С. Выскуб // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 3. – С. 26– 29.

140. Выступление заместителя прокурора Советского района г. Брянска А.Г. Мглинца на семинаре по вопросам экстрадиции // Сборник методических материалов и нормативных актов по вопросам экстрадиции. – Брянск, 2009. – С. 25 – 27.

141. Выступление начальника отдела Р.П. Коберника // Сборник методических материалов и нормативных актов по вопросам экстрадиции. – Брянск, 2009. – С. 11– 12.

142. Голикова, О. А. Формирование института выдачи преступников в царской России / О.А. Голикова // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4 (25). – С. 149–155.

143. Гончаренко, А.И. Условия экстрадиции /А.И. Гончаренко // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 146–149.

144. Гриненко А.В. Нормативное выражение прав личности в сфере уголовного судопроизводства / А.В. Гриненко // Права человека в сфере уголовного судопроизводства: содержание, механизмы защиты и пределы ограничения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сергея Петровича Щербы. – М.: МАЭП. 2013. – С. 94–98.

145. Гуськов, И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России / И.Ю. Гуськов // Российский следователь. – 2016. – № 5. – С. 7–11.

146. Дациева, Х.Г. К вопросу обеспечения прав и законных интересов лица, задержанного по подозрению в совершении преступления / Х.Г. Дациева // Идеиные и нравственные начала уголовного процесса: материалы международной научно-практической конференции. – М.: МАЭП, 2009. – С. 320–326.

147. Дикарев, И. С. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка как участник уголовного судопроизводства: постановка проблемы / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2012. – № 2. – С. 45–47.

148. Дикарев, И.С. Участие омбудсмана в пересмотре судебных решений в порядке надзора / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2010. – № 8. – С. 24– 27.

149. Дорошков В.В. Проблемы законности и справедливости как проблемы буквы и духа закона / В.В. Дорошков // *Союз криминалистов и криминологов*. – 2014. – №2 (2). – С. 89-92.

150. Евсичева, Л.Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе (сравнительно-правовой аспект) / Л.Л. Евсичева // *Человек: преступление и наказание*. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2013. – № 1 (80). – С. 109 –113.

151. Жумабекова, К.Д. Перспективы развития законодательства о выдаче (экстрадиции) преступников / К.Д. Жумабекова // *Актуальные проблемы юридических и общественных наук: материалы международной научно-теоретической конференции курсантов / отв. ред.канд. юрид. наук Д.Т. Кенжетаяев*. – Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2016. – С. 108 –110.

152. Зайцев, О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления / О.А. Зайцев // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*. – 2013. – № 35. – С. 92–99.

153. Зайцев, О.А. Институт уголовно-процессуального задержания по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германии / О.А. Зайцев. – М.: *Союз криминалистов и криминологов*, 2013. – Т. 2. – С. 72–77.

154. Зимарин, А.Ю. О необходимости права на защиту на стадии предварительного расследования / А.Ю. Зимарин // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – М., 2011. – №3 (26). – С. 324-326.

155. Зяблина, М.В. Некоторые аспекты применения меры пресечения в виде заключения под стражу / М.В. Зяблина // *Библиотека криминалиста*. – 2016. – № 5 (28). – С. 224 –229.

156. Из Кемерово – в Бари. Суд удовлетворил требование Генпрокуратуры и вора в законе // *Коммерсантъ*. – 2016. – № 222. – С. 4.

157. Колмаков, П.А. Понятие и основания появления нового участника уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] – URL: <https://www.lawmix.ru/comm/5159> (дата обращения: 11.07. 2022).

158. Кононов, А. Организация взаимодействия МВД России с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека / А. Кононов // *Профессионал*. – 2015. – № 2. – С. 28 –31.

159. Корнилова, И.В. Механизмы защиты прав детей в международном частном праве / И.В. Корнилова // *Закон и право*. – 2016. – №4. – С. 73 –76.

160. Косарева, А.Е. Процедура экстрадиционной проверки в Российской Федерации / А.Е. Косарева // *Криминалистика*. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. юрид. ин-та Академии Ген. прокуратуры РФ, 2009. – № 1 (4). – С. 39 –45.

161. Косарева, А.Е. Экстрадиционная проверка [Электронный ресурс]. – URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1133 (дата обращения: 6.10.2022).

162. Косарева, А.Е. Понятие, значение, происхождение и юридическая основа выдачи лица по уголовным делам [Электронный ресурс] – URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1129 (дата обращения: 3.09.2022).

163. Кулич, И. Решение первоочередных задач / И. Кулич // Полиция России. – 2015. – № 8. – С. 3–7.

164. Мазюк, Р.В. Компетентность переводчика и публичный интерес в уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк, Ю.Ц. Куулар // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: научный журнал. – 2016. – Вып. 3 (11). – С. 16–27.

165. Малов, А. Практика Генеральной прокуратуры РФ по исполнению решений Европейского Суда по правам человека по вопросам экстрадиции / А. Малов // Законность. – 2017. – № 4. – С. 3–5.

166. Маслова, З.Г. Реализация принципа законности при принятии решения об избрании меры пресечения / З.Г. Маслова // Диалектика современных инновационных механизмов по разрешению правовых конфликтов: материалы международной научно-практической конференции / под ред. А.П. Гуськовой. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – С. 304–308.

167. Мартынюк, С.Н. Обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / С.Н. Мартынюк, В.Б. Косовский // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2016 г.; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – С. 119–122.

168. Мешков, М.В. Об эффективности норм УПК РФ, направленных на защиту прав несовершеннолетних потерпевших / М.В. Мешков, А.А. Орлова // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации: сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. – М.: Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, 2015. – С. 103–111.

169. Микрюков В.В., Зимненко Б.Л. Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Постановление от 14 июня 2012 г. №11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора // СПС «Консультант Плюс».

170. Мусейбов, А.Г. Правовые основы профессиональной защиты по уголовным делам / А.Г. Мусейбов // Известия Московского государственного индустриального университета. – 2007. – № 3(8). – С. 43–44.

171. Нагаев, Е.А. Международное сотрудничество по уголовным делам: некоторые проблемы и пути их решения / Е.А. Нагаев, В.В. Волынский // Научные труды Московской академии экономики и права. – Вып. 24. – М.: МАЭП, 2009. – С. 314–322.

172. Насонов, А.А. Некоторые вопросы реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче лица, возникающие в ходе применения в отношении

него мер уголовно-процессуального принуждения / А.А. Насонов // Библиотека криминалиста: научный журнал. – М., 2016. – № 5. – С. 287–294.

173. Насонов, А.А. Признаки, характеризующие лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования, как участника уголовного судопроизводства / А.А. Насонов // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2017. – №1 (4). – С. 82–88.

174. Насонов, А.А. Специфика защитных механизмов при выдаче лица для уголовного преследования / А.А. Насонов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 4. – С. 98 –103.

175. Насонов А.А. О средствах и способах реализации права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования / А.А. Насонов // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф., 22–23 сентября 2016 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России; [под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова]. – Краснодар : Издательский Дом – «Юг», 2017. – С. 287–292.

176. Насонов, А.А. Участие защитника в процедуре выдачи лица для уголовного преследования / А.А. Насонов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 189–195.

177. Несмачная, Н.В. Экстрадиция лица для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора / Н.В. Несмачная // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 2 (103). – С. 227– 230.

178. Новиков, С.А. Еще раз о допустимости объяснений в доказывании по уголовным делам / С.А. Новиков // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики: материалы научно-практической конференции (Петрозаводск, Республика Карелия, 20 мая 2015 г.) / отв. ред. С.Н. Чернов, Г.И. Цепляева. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. – С. 80– 84.

179. Нурлыбаев, Н. Некоторые особенности подхода к правовой характеристике выдачи преступников (экстрадиции) / Н. Нурлыбаев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – №2. – С. 22– 24.

180. Овчинников, В.Г. Необходимо ли внедрить «Правило Миранды» в российский уголовный процесс / В.Г. Овчинников // Современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: теоретические и практические аспекты: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. в форме круглого стола ФГБОУВПО «РАП». Центральный филиал. – Воронеж, 2012. – С. 183.

181. Петрова, Г.Б. Правовое регулирование времени применения меры пресечения в отношении подозреваемого / Г.Б. Петрова // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов

международной научно-практической конференции. – Саратов: Кубик, 2015. – С. 141–146.

182. Победкин, А.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации как форма толкования и преодоления пробелов уголовно-процессуального права / А.В. Победкин // Государство и право. – М.: Наука, 2008. – № 11. – С. 34–44.

183. Подшибякин, А.С. Конституционные и международно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / А.С. Подшибякин // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции. – М.: МАЭП, 2011. – С. 378–382.

184. Попов, И.А. О некоторых мерах по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / И.А. Попов // Публичное и частное право. – 2012. – № IV. – С. 140–155.

185. Руднев, В.И. Статус задержанного как нового участника уголовного судопроизводства / В.И. Руднев // Журнал российского права. – 2017. – № 4 (244). – С. 130–137.

186. Савчук, Т.А. Принятие решения об избрании домашнего ареста: законодательство и практика его применения / Т.А. Савчук // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Саратов: Кубик, 2015. – С. 169–179.

187. Смирнов, М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) / М.И. Смирнов // Современное право. – 2007. – № 3. – С. 12–17.

188. Степаненко, В.И. Международно-правовые аспекты заключения под стражу с целью выдачи иностранному государству / В.И. Степаненко // Советское государство и право. – 1991. – № 11. – С. 122–123.

189. Сухаренко, А.Н. Международно-правовые основы российско-корейского сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / А.Н. Сухаренко // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 5(28). – С. 126–130.

190. Сухорукова, А.Н. Статист как участник уголовного судопроизводства / А.Н. Сухорукова // Юридический вестник Кубанского государственного университета: ежеквартальный научно-теоретический и информационно-практический журнал. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 109–110.

191. Овчинникова, Н.О. Пробелы в правовом статусе субъектов уголовно-процессуального права и пробелы производств / Н.О. Овчинникова // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Саратов: Кубик, 2015. – С. 138–141.

192. Терехов, М.Ю. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина при проверке сообщения о преступлении / М.Ю. Терехов, О.С. Ерохина, В.В. Миронов // Закон и право. – 2016. – № 4. – С. 95–98.

193. Тарасов, А.А. Отражение проблем реализации уголовной политики в судебных решениях по уголовным делам / А.А. Тарасов, А.Р. Шарипова // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Саратов: Кубик, 2015. – С. 241–251.

194. Трубчик, И.С. Особенности соблюдения прав подозреваемого в уголовном судопроизводстве / И.С. Трубчик // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2016 г.; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – С. 190–193.

195. Фролова М.А., Четвертакова Е.Ю. Институт экстрадиции в уголовно-процессуальном законодательстве России и Украины (сравнительно-правовой анализ) / М.А. Фролова, Е.Ю. Четвертакова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – №6 (17). – С. 341-351.

196. Ху Жунь. Правовые проблемы борьбы с коррупцией Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и пути их решения / Ху Жунь // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 84–95.

197. Цоколова, О.И. Фактическое задержание / О.И. Цоколова // Уголовное право. – 2006. – №3. – С. 25–28.

198. Цоколова, О.И. Арест в связи с выдачей лица для уголовного преследования / О.И. Цоколова // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов № 223. – М.: ВНИИ МВД России, 2007. – С. 3–15.

199. Цоколова, О.И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения / О.И. Цоколова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7. – С. 1440 – 1445.

200. Шабанов, В.Б. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты передачи несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государства их гражданства / В.Б. Шабанов, А.Л. Санташов // Закон и право. – 2016. – № 4. – С. 29–31.

201. Шепелин, И.В. Обращение как форма защиты прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве / И.В. Шепелин // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы итоговой всерос. науч.-теорет. конф. с международным участием (24-25 октября 2013 г., Сыктывкар): в 5 ч. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСИУ, 2013. – Ч. 1. – С. 175–178.

202. Ширванов, А.А. О необходимости изменений некоторых положений уголовно-процессуального закона и закона об оперативно-розыскной деятельности / А.А. Ширванов, С.И. Гирько // Научный портал МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 17–20.

203. Щерба, С. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу / С. Щерба, А. Попова // Законность. – 2016. – № 1. – С. 22–26.

204. Щерба, С.П. Право несовершеннолетнего подсудимого на конфиденциальное судебное разбирательство уголовного дела / С.П. Щерба // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 292– 294.

205. Эсендилов, М.В. Особенности соблюдения прав обвиняемого в процессе избрания мер пресечения в порядке статей 102-105 УПК РФ / М.В. Эсендилов // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 5. – С. 357– 364.

Диссертации и авторефераты диссертаций

206. Ахмед Камаран Сабах. Гарантии прав личности в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству России и Ирака: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ахмед Камаран Сабах. – Краснодар, 2017. – 30 с.

207. Безруков, С.С. Принципы уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук / С.С. Безруков. – М., 2016. – 513 с.

208. Бирюков, П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук / П.Н. Бирюков. Воронеж, 2001. – 368 с.

209. Валеев, Д. М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.М. Валеев. – М., 2016. – 30 с.

210. Васильев, Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Г. Васильев. – М., 2003. – 207 с.

211. Вершинина, С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... д-ра юрид. наук / С.И. Вершинина. – Тольятти, 2017. – 452 с.

212. Волженкина, В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Волженкина. – М., 1999 – 204 с.

213. Волеводз, А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук / А.Г. Волеводз. – М., 2002. – 462 с.

214. Гришин, А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лица для уголовного преследования в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Гришин. – М., 2010. – 250 с.

215. Гурбанов, Р. А. О. Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. А. О. Гурбанов. – М., 2016. – 53 с.

216. Джигирь, А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Джигирь. – Волгоград, 2009. – 209 с.

217. Дмитриева, А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Дмитриева. – М., 2017. – 476 с.
218. Емельянов, Д.В. Теория и практика участия подсудимого в судебном разбирательстве уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Емельянов. – М., 2009. – 28 с.
219. Зайцев, А.О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / А.О. Зайцев. – М., 2017. – 236 с.
220. Зотова, М.В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Зотова. – Воронеж, 2016. – 237 с.
221. Иванов, Э.Н. Защита на предварительном следствии по делам несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Н. Иванов. – Казань, 1990. – 236 с.
222. Калинин, А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Калинин. – Саратов, 2016. – 233 с.
223. Карасева, Е.В. Процессуальные аспекты международного сотрудничества органов предварительного следствия при МВД Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Карасева. – М., 1999. – 180 с.
224. Кокорев, Л.Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.Д. Кокорев. – Л., 1975. – 40 с.
225. Косарева, А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис... канд. юрид. наук / А.Е. Косарева. – Санкт-Петербург, 2005. – 255 с.
226. Марченко, А.В. Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Марченко. – Санкт-Петербург, 2004. – 212 с.
227. Мельников, В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Ю. Мельников. – М., 2014. – 68 с.
228. Нагдалиев, Х. З. О. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Х. З. О. Нагдалиев. – М., 2016. – 29 с.
229. Насонова, И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Насонова. – М., 2011. – 501 с.
230. Несмачная, Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Несмачная. – Саратов, 2016. – 171 с.

231. Пономаренко, В.А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Пономаренко. – М., 2007. – 24 с.
232. Родивилина, В.А. Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Родивилина. – Иркутск, 2016. – 26 с.
233. Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук / Н.А. Сафаров. – М., 2007. – 446 с.
234. Сидоренко, М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Сидоренко. – Краснодар, 2017. – 557 с.
235. Сорокина, Е.М. Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском Союзе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.М. Сорокина. – М., 2016. – 31 с.
236. Строганова, А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / А.К. Строганова. – М., 2004. – 181 с.
237. Устинов Д.С. Поведенческая характеристика обвиняемого и ее влияние на решения, принимаемые по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.С. Устинов. – Саратов, 2015. – 26 с.
238. Цоколова, О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук / О.И. Цоколова. – М., 2007. – 417 с.
239. Шурухнова, Д.Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношении государств: права, законные интересы и их гарантии: дис. ... канд. юрид. наук / Д.Н. Шурухнова. – М., 2001. – 178 с.
240. Юрков, А.П. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук / А.П. Юрков. – Казань, 2001. – 243 с.

Учебное издание

Насонов Александр Александрович,
кандидат юридических наук

**ПРАВО НА ЗАЩИТУ ЛИЦА,
ЗАПРАШИВАЕМОГО ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ
К ВЫДАЧЕ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

Учебное пособие

Редактор В.Ю. Калининская

Объем 1,50 МБ. Тираж 10 экз.

Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53